

Шорт-лист
премии
Waterstones Book of the Year

ДЕВОЧКА С МЕДВЕЖЬИМ СЕРДЦЕМ

ФРЭНСИС ХАРДИНГ

Романы Фрэнсис Хардинг

Фрэнсис Хардинг

Девочка с медвежьим сердцем

«CLEVER»

2017

УДК 82-34
ББК 84(4Анг)

Хардинг Ф.

Девочка с медвежьим сердцем / Ф. Хардинг — «CLEVER»,
2017 — (Романы Фрэнсис Хардинг)

ISBN 978-5-00115-674-1

Новый роман от звезды английской прозы подростков. Когда человек умирает, его душа ищет новое пристанище. Некоторые люди – идеальный сосуд для умерших теней. Двенадцатилетнюю Мейкпис тени преследовали всегда. Они являлись ей в ночных кошмарах, касались ее кожи своими леденящими пальцами, шептали едва различимые слова. Однажды Мейкпис впустила в себя тень... Тень дикого, свирепого и неукротимого животного завладела ее разумом и телом. Тень стала проклятьем и единственной защитой одинокой девочки в поместье Гривхейз – мире богатства, жестокости и мрачных секретов. Пока землю поместья раздирает борьба за власть, а страну – борьба за корону, душа Мейкпис борется со зверем. Но порой жизнь во власти людей страшнее смерти во власти теней...

УДК 82-34
ББК 84(4Анг)

ISBN 978-5-00115-674-1

© Хардинг Ф., 2017
© CLEVER, 2017

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	44
Глава 9	49
Часть 2	53
Глава 10	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Фрэнсис Хардинг

Девочка с медвежьим сердцем

Frances Hardinge

Skinful of shadows

Copyright © Frances Hardinge 2017

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2019

*Моей дочери Харриет, которая разделяет мою жажду к чтению
и невероятным приключениям*

Часть 1

Облизывать детеныша

Глава 1

Когда Мейкпис в третий раз с воплем проснулась от ночного кошмара, мать рассердилась.

– Я же запретила тебе видеть такие сны! – прошипела она тихо, боясь разбудить весь дом. – А если и увидишь, нечего вопить!

– Но я ничего не могла с собой поделать, – прошептала Мейкпис, напуганная яростным тоном матери.

Та взяла дочь за руки. Лицо ее при свете раннего утра казалось суровым и не улыбочивым.

– Ты не любишь свой дом. Не хочешь жить со своей матерью.

– Люблю! Люблю! – воскликнула Мейкпис, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

– В таком случае ты должна научиться не видеть эти сны. Если станешь орать каждую ночь, может случиться ужасное. Нас просто выкинут из дома!

За стеной спали тетка и дядя Мейкпис, владельцы пирожковой лавки, расположенной на первом этаже дома. Тетка была крикливой и прямолинейной, а дядя вечно мрачным и всем недовольным. Угодить ему было невозможно.

С шести лет Мейкпис приходилось следить за четырьмя маленькими кузенами, которых нужно было кормить, мыть, перевязывать, если поранятся, одевать или снимать с соседских деревьев. В промежутках она выполняла самые разнообразные поручения и помогала на кухне. И все же мать и Мейкпис спали на тюфяке в продуваемой сквозняками маленькой комнате, подальше от остальных членов семейства. Казалось, они жили здесь в кредит и могли лишиться кровля без всякого предупреждения.

– Всего хуже, что кто-то может послать за священником, – продолжала мать. – Или... другие могут услышать.

Мейкпис понятия не имела, кто эти «другие», но они всегда были угрозой. Десять лет жизни с матерью научили девочку одной истине: доверять, в сущности, нельзя никому.

– Я пыталась!

Ночь за ночью Мейкпис истово молилась, после чего лежала в темноте, заставляя себя не спать. Но кошмар все равно приходил за ней – полный лунного света, шепотков и неясных образов.

– Что мне делать? Я хочу это прекратить!

Мать долго молчала, а потом стиснула руку дочери.

– Позволь рассказать тебе одну историю, – начала она, как обычно, когда нужно было обсудить нечто серьезное. – Однажды маленькая девочка заблудилась в лесу и наткнулась на волка. Она бежала и бежала, пока не стерла ноги в кровь, хотя понимала, что волк преследует ее по запаху и в конце концов настигнет. И ей пришлось сделать выбор. Можно бежать, скрываться и снова бежать... или остановиться и заострить палку, чтобы защитить себя. Как по-твоему, какое решение было верным?

Мейкпис поняла, что это не просто сказка и ее ответ очень много значит.

– Разве можно сражаться с волком палкой? – с сомнением спросила она.

– Палка дает тебе шанс, – ответила мать с едва заметной грустной улыбкой. – Небольшой. Но останавливаться опасно.

Мейкпис надолго задумалась.

– Волки бегают быстрее людей, – выговорила она наконец. – Даже если девочка будет бежать без остановки, волк все равно поймает ее и съест. Ей нужна острая палка.

Мать медленно наклонила голову в знак согласия. Больше она ничего не сказала и не закончила рассказ.

Кровь у Мейкпис похолодела. Иногда мать бывала в таком настроении, когда беседы с ней таили загадки и ловушки, а всякий ответ имел последствия.

Сколько Мейкпис себя помнила, они жили в маленьком оживленном Попларе, не совсем городке, но уже и не деревне. Она не могла представить мир без проникавшей всюду вони угольного дыма и дегтя с огромных, вечно грохочущих верфей, без тополей, отбрасывавших узорчатые тени и давших название местечку¹, и без заросших густой зеленой травой болотистых пустошей, где пасся скот. Всего в нескольких милях отсюда находился Лондон, огромный, туманный, полный опасностей и искушений. В Попларе же все ей было знакомо до мелочей, так же естественно и привычно, как дыхание. И все же Мейкпис не чувствовала себя здесь своей. Мать ни разу не произнесла: «Это не наш дом». Но ее глаза говорили лучше всяких слов.

Как только они приехали в Поплар, мать сменила имя малышки дочери на Мейкпис, чтобы их легче приняли в незнакомом месте. Мейкпис не знала своего настоящего имени, и эта мысль заставляла ее чувствовать себя не совсем настоящей. Имя Мейкпис вовсе не ощущалось истинным. Скорее наводило на мысли о жертвоприношении. Оно было способом примириться с Богом и благочестивыми жителями Поплара. Извинением за ту темную дыру, на месте которой должен был находиться отец Мейкпис.

Все соседи и знакомые были людьми благочестивыми. Именно так называли себя члены общины. Но делали они это не из гордости, а чтобы обособиться от тех, кто шел по темной дороге прямо в разверстую пасть ада, поджидавшую в конце пути. Мейкпис была не единственной, носившей странное, благочестивое имя. Были и другие: Верити, Уот-год-уилл, Форсейкен, Деливиренс, Килл-Син² и так далее.

Раз в два дня, по вечерам, тетина комната превращалась в место религиозных собраний, на которых читали молитвы и Библию, а по воскресеньям все шли в высокую серую церковь, выстроенную из твердого известняка.

Священник был неизменно добр, когда встречался на улице, но, стоя на кафедре, поистине устрашал. Судя по восторженным лицам других прихожан, Мейкпис могла заключить, что в его душе сияло немало великих истин, а также любовь, подобная холодной белой комете. Он проповедовал стойкость перед порочными искушениями: пьянством, азартными играми, танцами, театром и праздным весельем по субботам – это все силки, расставленные дьяволом. Он рассказывал, что происходит в Лондоне и всей стране: о недавнем вероломстве при дворе, заговорах мерзких католиков. Его проповеди пугали и одновременно волновали.

Иногда, выходя из церкви, Мейкпис трепетала, представляя паству солдатами в сверкающих доспехах, выступающих против сил тьмы. Миг-другой она верила, что все они – и мать, и соседи – стали частью чего-то большего, чего-то чудесного. Но это ощущение длилось недолго. Вскоре мать и дочь снова становились одинокой армией из двух человек.

Мать никогда не произносила вслух: «Это не наши друзья», но, когда они покидали церковь, шли на рынок или останавливались поздороваться с кем-то, еще крепче сжимала руку дочери. Поэтому Мейкпис приветствовала детей полуулыбкой, точно такой, с какой мать встречала их матерей. У этих детей были отцы.

¹ *Poplar* – тополь (англ.). – Здесь и далее примеч. пер.

² Имя Мейкпис означает «миротворец». Другие имена переводятся как «правдивость», «Божья воля», «брошенный», «освобождение», «убей грех».

Дети, подобно маленьким священникам, взирали на родителей, следя за каждым их жестом и выражением лица в поисках знаков Божественной воли. С самого раннего детства Мейкпис знала, что им постоянно грозит опасность и другие люди в любую минуту могут наброситься на них. Поэтому она научилась находить утешение и нежность, наблюдая за бессловесными созданиями. Понимала деловитую злобу оводов, испуганный гнев собак, тяжело-весное терпение коров.

Иногда это приводило к неприятностям. Например, к разбитой губе и расквашенному носу, когда пришлось криком отгонять мальчишек, швырявших камнями в птичье гнездо. Для Мейкпис вполне естественным было резать птиц на обед или красть у них яйца на завтрак, но бессмысленная, глупая жестокость пробуждала ярость, которую она так и не смогла внятно объяснить.

Мальчишки сначала ошеломленно уставились на нее, но, опомнившись, забросали камнями. Чему тут удивляться? Жестокость была обычным явлением. Такой же частью их жизни, как цветы и дождь. Они привыкли к палке учителя начальной школы, визгу свиней в загонах мясников и крови, пропитавшей опилки арен для петушиных боев. Уничтожение крохотных, едва оперившихся жизнью приносило им привычную радость, как прыжки в лужах.

Если часто высовываешься, будешь ходить с разбитым носом. Хочешь выжить – нельзя выделяться. Нужно оставаться незаметным. Но матери и Мейкпис это не очень удавалось.

На следующую ночь после рассказа о волке мать без всяких объяснений повела Мейкпис на старое кладбище.

Ночью церковь казалась в сто раз больше. Колокольная выглядела неумолимым прямоугольником абсолютного мрака. Трава под ногами росла пучками и казалась серой в свете звезд. В углу кладбища стояла маленькая кирпичная, давно заброшенная часовня. Мать отвела Мейкпис туда и бросила в темный угол охапку одеял.

– Может, вернемся домой?

По коже Мейкпис полз озноб. Что-то было совсем рядом. Какие-то существа сгрудились вокруг нее. Она ощущала тошнотворную щекотку их близости, словно от паучьих ножек, пробравшихся в мозг.

– Нет, – ответила мать.

– Но здесь какие-то существа! – ахнула Мейкпис, борясь с надвигающейся паникой. – Я чувствую их!

Девочка с ужасом узнавала ощущения. Ее кошмары начинались так же: с уколов страха, с ожидания нападения.

– Демоны в моих снах...

– Знаю.

– Какие они? – прошептала Мейкпис. – Они... мертвы?

Но в глубине души она уже знала ответ.

– Да, – ответила мать тем же холодным, ровным тоном. – Послушай, мертвые подобны утопленникам. Они плавают в темноте, размахивая руками и пытаясь схватить все, что удастся. Может, они и не хотят причинить тебе зло, но обязательно сделают это, если позволишь. Сегодня ты переночуешь здесь. Они попытаются когтями процарапать тебе в голову, но, что бы ни случилось, не дай им взять верх.

– Что?! – воскликнула пораженная ужасом Мейкпис, на мгновение забыв об осторожности. – Нет! Я не могу здесь остаться!

– Ты должна, – отрезала мать, черты лица которой казались чеканными в серебристом свете звезд. В них не было ни мягкости, ни готовности уступить. – Тебе необходимо остаться и заострить палку.

Мать всегда вела себя очень странно, когда речь шла о важных вещах, словно хранила свое второе «я», своеенравное, непостижимое, потустороннее «я», в сундуке с одеждой, под выходным платьем, и пользовалась им в самых крайних случаях. В такие моменты она становилась не матерью, а Маргарет. Глаза казались глубже, волосы под чепцом – гуще и непокорнее, словно у ведьмы, внимание устремлено на что-то, чего не способна видеть Мейкпис.

Когда мать становилась такой, девочка старалась не поднимать головы и не спорить. Однако на этот раз ее поразил ужас. Она молила так, как никогда раньше. Спорила. Протестовала. Плакала и с яростным отчаянием цеплялась за руку матери. Мать не может оставить ее здесь, не может, не может...

Мать вырвала руку и так резко оттолкнула Мейкпис, что та отлетела в сторону и едва не упала. Не обращая внимания на дочь, мать вышла, захлопнула дверь, погрузив помещение в непроглядную тьму. Послышался стук задвигаемого засова.

– Мама! – вскрикнула Мейкпис, больше не заботясь о том, что их здесь застанут. Подбежала к двери и стала ее трясти. Дверь не поддавалась. – Ма!

Мать не откликнулась. Вместо ответа слышался шорох ее удалявшихся шагов. Мейкпис осталась наедине с мертвыми, мраком и доносившимся издалека безрадостным уханьем сов.

Следующие несколько часов девочка провела без сна, скорчившись в гнезде из одеял, дрожа от холода и слушая отдаленный лисий лай. И чувствовала, как существа населяют уголки ее разума, выжидая нужного момента. Выжидая, пока она заснет.

– Пожалуйста, – умоляла их она, прижав руки к ушам, пытаясь не слушать шепотки. – Пожалуйста, не надо. Пожалуйста...

Но в конце концов сон против воли затуманил ей голову, и пришел кошмар.

Как и прежде, Мейкпис увидела темную узкую комнату с земляным полом и стенами из обожженного черного камня. Она пыталась закрыть ставни, чтобы в окно не проникал лунный свет. Нужно отсечь его. Отсечь шепот, который он несет. Но ставни никак не сходились, а задвижка была сломана. В щели разверзлась тошнотворная ночь. Звезды покачивались, поблескивая, как болтающиеся пуговицы. Мейкпис изо всех сил налегала на ставни, но ночь выдыхала в ее комнату мертвых. Выдыхала десятками. Они с воем устремлялись вниз, к ней – расплывающиеся, тусклые лица... Мейкпис закрыла ладонями уши, зажмурилась, стиснула губы, зная, что они намерены пробраться внутрь. В ее голову. Они стонали и завывали у самых ушей, а она отказывалась понимать их. Пыталась не допустить, чтобы тихие, тоскливые звуки стали словами. Бледный свет проникал сквозь веки, а шепотки сочились и лизали уши, и существ было столько, что воздух сгустился, а ей приходилось вдыхать его...

Вздрогнув, Мейкпис проснулась. Сердце билось так громко, что ее затошнило. Девочка инстинктивно протянула руку, надеясь получить тепло и утешение от спящей матери. Но матери не было. Мейкпис вспомнила, где находится, и сразу пала духом. На этот раз она не дома, в уюте и безопасности. Она в ловушке. Похоронена заживо. Окружена мертвыми.

Неожиданный звук заставил ее оцепенеть. Прерывистый шорох на полу, поразительно громкий в холодной свежести ночи. И тут кто-то маленький и легкий пробежал по ноге Мейкпис. Она невольно вскрикнула, но уже в следующий момент пульс забился медленнее. Девочка ощутила легкое прикосновение меха, укол крохотных коготков.

Мышь. Где-то в комнате мышь, ее светящиеся глазки следят за ней. Значит, Мейкпис не оставлена наедине с мертвыми. Конечно, мышь ей не друг. Мыши все равно, если мертвые существа убьют Мейкпис или сведут с ума. Но девочку успокаивали мысли о животном, нашедшем убежище от сов и ночных хищников. Мыши было безразлично, любят ее или нет. Она знала, что может рассчитывать только на себя. Где-то там, в укромном углу, ее сердце размером с ягоду смородины билось яростной волей к жизни. И сердце Мейкпис вскоре последовало его примеру.

Она не видела и не слышала мертвых, но ощущала, как они шарят и царапаются по краям ее сознания. Ждут, когда она устанет, поддастся панике или расслабится. И тогда они нанесут удар. Но Мейкпис нашла в душе маленький узелок упрямства.

Труднее всего было не заснуть. Мейкпис щипала себя и долгими темными часами вышгивала по комнате, пока наконец не увидела, как ночная тьма уступила место серенькому свету раннего утра. Ее тошнило, трясло от слабости, голова горела, израненное сознание кровоточило, но она, по крайней мере, выжила.

Мать пришла перед самым рассветом. Мейкпис молча последовала за ней, склонив голову. Она понимала: мать ничего не делает без причины. Но впервые она не могла ее простить и знала: их жизнь уже никогда не будет прежней.

Почти каждый месяц мать отводила Мейкпис на кладбище. Иногда проходило пять или шесть недель, и Мейкпис начинала надеяться, что мать отказалась от своих намерений. Как вдруг Маргарет сообщала, что, по ее мнению, «ночь будет теплой», и сердце Мейкпис сжималось: она слишком хорошо знала, что это значит.

Девочка не могла заставить себя протестовать. При воспоминании об отчаянном унижении в первую ночь ей становилось плохо.

Если кто-то забывает о гордости и молит всем сердцем, но его мольбы напрасны, он уже никогда не станет прежним. Что-то в нем умирает, а что-то рождается. Словно после пережитого в душе Мейкпис, подобно зимней росе, осело новое восприятие мира. Она сознавала, что больше не сможет чувствовать себя в безопасности или любимой, как раньше. А еще знала, что ни за что на свете не станет никого умолять.

Поэтому каждый раз с застывшим лицом шла за матерью на кладбище. Она кое-чему научилась у церковной мыши. Призраки – не жестокие задиры, которых можно урезонить. Они – хищники, она – добыча. Поэтому, чтобы выжить, следует быть упрямой, свирепой и бдительной. Потому что никто другой ее не спасет.

Мало-помалу, с величайшим трудом Мейкпис принялась выстраивать собственную защиту. Под стук дождя и звуки собственного дыхания, вырывавшегося паром в холодном воздухе, девочка повторяла придуманные молитвы и сочиняла заклятья изгнания. Училась противостоять настойчивому царапанию, шевелению и попыткам вторжения духов мертвых и даже давать отпор, хотя всякий контакт был омерзителен. Она воображала себя библейской Юдифью, стоявшей во вражеском лагере с украденным мечом, залитым кровью Олоферна... «Подойдите ближе, – говорила она ночным шептунам, – и я изрублю вас на кусочки!»

И все это время живые создания на кладбище помогали ей оставаться спокойной и в здравом уме. Шуршание в кустах, чей-то посвист, мелькание летучих мышей – все это становилось для нее утешением. Даже их настоящие зубы и когти. Человеческие существа и мертвецы могут внезапно наброситься на тебя, но дикие создания просто живут в своем диком мире, где им нет до тебя дела. Умирая, они не становятся призраками. Когда мышь погибала от лап кота, курице сворачивали шею, а рыбу вытаскивали из реки, Мейкпис ясно видела, как бледные ключья их душ быстро тают, подобно утреннему туману.

Кипящий котел негодования Мейкпис требовал выхода. Вместо того чтобы пожаловаться на ночные вылазки, она стала спорить с матерью по каждому пустяковому поводу, не уступая ни в чем, задавая запретные вопросы, чего никогда не делала раньше. И самое главное, девочка начала расспрашивать об отце. Раньше мать пресекала такие вопросы взглядом, так что Мейкпис приходилось довольствоваться мелкими деталями, которые невольно срывались с материнского языка. Отец жил далеко, в старом доме, и не желал видеть ни мать, ни Мейкпис. Но этого вдруг оказалось недостаточно, и Мейкпис злилась на себя за то, что слишком боялась расспросить подробнее.

– Почему ты не скажешь, как его зовут? Где он живет? Знает ли он, где нас найти? Откуда ты знаешь, что он не хочет жить с нами? Ему хотя бы известно обо мне?

Мать по-прежнему не отвечала на подобные вопросы, но ее грозные взгляды больше не укрощали Мейкпис. Обе не понимали, как им быть. С самого рождения Мейкпис мать решала все, и девочка безропотно соглашалась. Мейкпис сама не знала, почему больше не может оставаться покорной. А мать... раньше ей не приходилось идти на компромисс, и она не знала, с чего начать. Возможно, если давить на Мейкпис силой своей личности, все будет как прежде? Нет. Не будет. Все изменилось.

Два года спустя после первого опыта по «заострению палки» Мейкпис, которой пришлось провести особенно холодную бессонную ночь в часовне, вернулась, дрожа от холода. Через два дня она горела в лихорадке и страдала от боли в мышцах. Целых две недели язык у нее был покрыт пятнами, а на лице выступила отчетливая сыпь оспенных папул.

Некоторое время мир был раскаленным, темным и ужасным. Мейкпис утопала в удушливом бездонном кошмаре. Она сознавала, что может умереть, и понимала, что представляют собой мертвые.

Она не могла мыслить связно и иногда гадала, жива ли еще или уже мертва. Но черная приливная волна болезни потихоньку отступала, оставив ей жизнь и всего пару оспин на щеке. Каждый раз, когда девочка видела их отражение в ведре с водой, она ощущала слабый спазм животного страха. И представляла, как мрачный жнец – скелет по имени Смерть – тянется к ней, чтобы коснуться лица двумя костлявыми пальцами, после чего медленно отводит руку.

С момента ее выздоровления прошло три месяца, но мать ни разу не упомянула о кладбище. Мейкпис предположила, что оспа, похоже, напугала мать и заставила отказаться от своего плана. К несчастью, она ошибалась.

Глава 2

Однажды солнечным майским днем они отправились в большой город, чтобы продать сплетенное матерью кружево. Весна выдалась мягкой, но Лондон потрескивал напряжением, как грозовая туча. Мейкпис пожалела, что оказалась там.

По мере того как Мейкпис менялась, постепенно всё больше озлобляясь, с Попларом и Лондоном происходило нечто подобное. Если верить сплетням молодых подмастерьев, то же самое творилось и во всей стране. Красноносая няня Сьюзан возвещала на молитвенных собраниях о видениях конца – о море, переполненном кровью, и шествующей по главной улице Поплара библейской Жене, облеченной в солнце.

Остальные разглагольствовали в той же манере. Поговаривали, что пару лет назад во время сильнейшей грозы гигантские тучи приняли форму двух грозных армий. Но теперь у многих возникло неприятное предчувствие, что две такие армии действительно собираются по всей стране.

Жители Поплара всегда усердно молились, но сейчас они молились, как люди, осажденные врагом. И казалось, всей стране грозит опасность.

Мейкпис не могла уследить за всеми подробностями, но суть понимала. Католики задумали дьявольский заговор, стремясь свратить короля Карла с пути истинного и восстановить против собственного народа. Добрые люди из парламента пытались урезонить его, но он отказывался слушать.

Никому не хотелось прямо обвинять короля. Это государственная измена, за которую отсекают уши или клеймят лицо раскаленным железом. Нет, все соглашались, что вина лежит на порочных советниках: архиепископе Лоде, «черном Томе-тиране» (известном также как граф Страффорд) и, конечно, королеве Марии, постоянно отравлявшей разум короля своими французскими уловками. Если их не остановить, король сделается проклятым тираном. Он обратится к ложной религии и пошлет войска перебить всех преданных, богобоязненных протестантов в стране.

Сам дьявол проникал повсюду, нашептывал в уши, леденил разум и кроил дела людские хитрыми невидимыми руками. Казалось, на дороге вот-вот появятся опаленные следы копыт.

Страх и возмущение в Попларе были очень зримы, но Мейкпис ощущала и некое подводное течение свирепого возбуждения. Если все действительно рухнет, если пришло время суда, если действительно настал конец мира, благочестивые жители Поплара будут готовы. Они – воины Господни и будут стойко держаться, проповедовать и маршировать.

И сейчас, шагая по лондонским улицам, Мейкпис чувствовала знакомое покалывание – предчувствие того же возбуждения, той же опасности.

– Здесь дурно пахнет, – пробормотала она. Сегодня мать была в другой своей ипостаси, так что было вполне естественно выразить вслух свои полуоформленные мысли.

– Это из-за дыма, – отрывисто ответила Маргарет.

– Вовсе нет, – возразила Мейкпис.

Речь шла совсем не о запахе, и девочка знала, что мать ее поняла. Дело в предостерегающем обострении чувств, как перед грозой.

– Пахнет металлом. Давай вернемся домой?

– Давай, – сухо процедила мать, не сбавляя шага. – Давай вернемся домой и будем есть камни, поскольку ты не желаешь, чтобы мы заработали на хлеб.

Мейкпис всегда находила Лондон угнетающим. Здесь слишком много людей, зданий, запахов. Однако сегодня воздух был насыщен незнакомыми доселе брожением и свирепостью. Почему она нервничает больше обычного? Что изменилось?

Девочка огляделась по сторонам и увидела десятки листов, недавно расклеенных на дверях и столбах.

– Что это? – прошептала она.

Бессмысленный вопрос. Мать умела читать не лучше Мейкпис. Жирные черные буквы словно кричали с бумаги.

– Рев чернильных львов, – заметила мать.

Лондон захлестнули яростные памфлеты, печатные проповеди, пророчества, обличения короля, а иногда парламента. Мать шутливо называла все это «чернильными львами».

– Только рев и никаких когтей, – повторяла она. Последние два дня этот безмолвный рев постоянно усиливался. Две недели назад король впервые за много лет созвал парламент, и все, кого знала Мейкпис, облегченно вздохнули. Но всего через двое суток он в порыве монаршей ярости снова распустил парламент. Теперь слухи приняли оттенок зловещего ропота.

Бледное солнце, казалось, покачивалось в небе, и все ждали, когда случится нечто. Если в толпе раздавался внезапный крик, люди резко вскидывали головы.

«Началось?» – молча вопрошали они.

Никто не знал точно, что именно должно начаться, но что-то явно назревало.

– Ма... почему на улице так много подмастерьев? – тихо пробормотала Мейкпис.

И действительно, десятки молодых людей слонялись по двое-трое в переулках, торчали в дверных проемах – коротко стриженные, взбудораженные, с мозолистыми руками, привычными к работе на ткацких и токарных станках.

Самым младшим было около четырнадцати, самым старшим – лет двадцать. Им всем следовало бы сейчас трудиться, выполняя приказы хозяев, но они находились здесь.

Подмастерья служили барометром, отражавшим настроение города. Когда Лондон был спокоен, они оставались обычными парнями, что убивали время, флиртовали, задевали окружающих грубыми, но остроумными шуточками. Но в грозном Лондоне они менялись. Темные гневные молнии невидимыми разрядами проскальзывали между ними. А порой они сбивались в буйные, неукротимые толпы, разбивали двери, а то и головы сапогами и дубинами.

Мать оглядела слонявшиеся повсюду маленькие компании и встревоженно нахмурилась.

– Их слишком много, – негромко согласилась она. – Нам лучше вернуться. Все равно солнце уже садится. И... и тебе понадобятся силы. Сегодня ночь будет теплой.

На какую-то секунду Мейкпис почувствовала облегчение. Но тут же до нее дошел смысл последней фразы. Девочка застыла, переполненная неверием и возмущением.

– Нет! – отрезала она, удивленная собственной решимостью. – Я не пойду! И больше никогда не вернусь на кладбище!

Мать смущенно огляделась, крепко схватила Мейкпис за руку и потащила в ближайший переулок.

– Ты должна! – настаивала она и, сжав плечи дочери, заглянула ей в глаза.

– В последний раз я едва не умерла, – запротестовала Мейкпис.

– Ты заразилась оспой от дочери Арчера, – не колеблясь, парировала мать. – Кладбище тут ни при чем. Когда-нибудь ты мне спасибо скажешь. Говорю же, я помогаю тебе заострить палку.

– Знаю! – воскликнула Мейкпис, не в силах сдержать раздражения. – «Волки» – это призраки, и ты хочешь научить меня быть сильной, чтобы я умела их отгонять. Но почему бы мне просто не держаться подальше от кладбищ? Если не приближаться к призракам, мне ничего не грозит. Ты постоянно бросаешь меня волкам!

– Ошибаешься, – мягко ответила мать. – Эти призраки *не* волки. Просто голодные тени – никакого сравнения. Но волки где-то здесь, Мейкпис, они ищут тебя и когда-нибудь найдут. Молись, чтобы к тому времени стать взрослой и сильной.

– Ты просто хочешь напугать меня, – не уступала Мейкпис. Голос дрожал, но на этот раз не от страха. От гнева.

– Хочу! Ты считаешь себя бедной мученицей, которой по ночам лижут лицо маленькие блуждающие огоньки? Но это *ничто*. Где-то рядом таится кое-что похуже. Гораздо хуже. Вот чего надо бояться.

– В таком случае почему бы не попросить моего отца помочь нам? – Мейкпис ступила на опасную дорогу, но зашла слишком далеко, чтобы повернуть обратно. – Бьюсь об заклад, он не оставил бы меня на кладбище!

– Он последний, к кому мы можем обратиться за помощью, – ответила мать с горечью, которой Мейкпис раньше в ее голосе не слышала. – Забудь.

– Почему? – Мейкпис внезапно поняла, что больше не может выносить в своей жизни недомолвок. Всего того, о чем ей не позволялось говорить и спрашивать. – Почему? Почему ты мне никогда ничего не рассказываешь? Я больше тебе не верю! Ты просто хочешь, чтобы я навечно осталась с тобой! Завладеть мной навсегда! Ты не позволяешь мне встретиться с отцом, потому что знаешь: он захочет быть со мной!

– Ты понятия не имеешь, от чего я тебя спасла! – взорвалась мать. – Останься я в Гризхейзе...

– Гризхейз... – повторила Мейкпис и увидела, как побледнела мать. – Он там живет? В старом доме, о котором ты рассказывала?

Она знает название. Наконец она знает название. Стало быть, можно поискать дом. Кому-то где-то должно быть известно это место.

Название казалось старым. Девочка никак не могла представить дом, которому оно принадлежало, словно тяжелый серебристый туман лежал между ней и его древними башнями.

– Я не вернусь на кладбище, – повторила Мейкпис. Ее сила воли воткнула копьё в землю и приготовилась к нападению. – Ни за что. Если попробуешь заставить меня, я сбегу. Клянусь. Отыщу Гризхейз. Найду отца. И никогда не вернусь.

Глаза у матери словно остекленели от гнева и изумления. Она так и не научилась справляться со вспышками неповиновения Мейкпис. Потом все тепло словно стекло с ее лица, сделавшегося холодным и отчужденным.

– Беги, – процедила она ледяным голосом. – Если хочешь именно этого, скатертью дорога. Но когда окажешься в руках у этих людей, не говори, что я тебя не предупреждала.

Мать никогда не сдавалась. Никогда не смягчалась. Мейкпис бросала вызов – мать в ответ поднимала ставки, разоблачала уловки дочери и давила еще сильнее. А Мейкпис блефовала, угрожая сбежать, но, глядя в неумолимые глаза матери, впервые подумала, что действительно может поступить именно так.

Но тут мать посмотрела через плечо Мейкпис в сторону главной улицы и застыла от возмущения, выдохнув несколько слов. Так тихо, что Мейкпис уловила только два:

– Помяни нечистого...

Мейкпис оглянулась как раз вовремя, чтобы увидеть проходившего мимо высокого мужчину в добротном камзоле темно-синего сукна. На вид он был не так стар, хотя волосы были совсем седыми.

Девочка знала старую пословицу: «Помяни нечистого, и он тут как тут». Мать говорила о «тех людях» – жителях Гризхейза – и вдруг увидела незнакомца. Это кто-то из Гризхейза? Возможно, даже отец Мейкпис?

Мейкпис перехватила взгляд матери. Глаза девочки неистово сверкали возбуждением и торжеством.

– Нет, – прошипела мать, обхватив ее обеими руками. – Мейкпис!

Но собственное имя резануло слух Мейкпис, она устала мириться с бедами, причину которых так и не могла объяснить. Она вырвалась и помчалась к главной улице.

– Ты в могилу меня сведешь! – крикнула мать вслед. – Мейкпис! Постой!

Но Мейкпис не послушала, потому что вдалеке маячили синий камзол и грива седых волос, через секунду исчезающие за углом. Прошлое уплывало от нее!

Она добралась до угла как раз вовремя, чтобы увидеть, как незнакомец растворился в толпе, и побежала за ним, хотя слышала, как мать зовет ее. Но не оглянулась, а вместо этого продолжала преследовать удаляющуюся фигуру, сначала по одной улице, потом по другой, третьей. Несколько раз она, казалось, теряла его из вида, но тут же замечала в отдалении копну седых волос.

Мейкпис не сдавалась, даже когда обнаружила, что бежит по огромному Лондонскому мосту прямо в Саутуарк. Здания по обеим сторонам улицы становились все более убогими, а запахи более затхлыми. Она слышала смех, доносившийся из прибрежных кабаков, ругательства и скрип весел с реки. Начинало темнеть. Солнце почти спустилось за горизонт. Небо потускнело до оттенка окрашенного олова. Но, несмотря на это, на улицах было необычайно много людей. Они путались под ногами, загораживали седого мужчину.

Лишь когда улица выплюнула Мейкпис на большое открытое пространство, она остановилась, внезапно испугавшись. Под ногами росла трава, и Мейкпис поняла, что оказалась на краю Сент-Джордж-Филдз³. Вокруг бурлила мрачная, шумная толпа. Только головы отчетливо выделялись на фоне темнеющего неба.

Девочка не могла определить, насколько далеко протянулась людская масса: поднимавшихся из нее голосов, казалось, были сотни. И все мужские. Никаких следов седого незнакомца.

Задышавшись, Мейкпис оглядывалась по сторонам, сознавая, что привлекает пристальные, любопытные взгляды. Хотя ее одежда была из простой дешевой шерсти и полотна, все же шейный платок и чепец были чистыми и приличными, а здесь этого было достаточно, чтобы привлечь внимание.

– Привет, крошка! – окликнула одна из темных фигур. – Пришла подхлестнуть наше мужество, верно?

– Не-а, – протянул другой. – Ты здесь, чтобы маршировать с нами, так ведь, мисс? Можешь, как шотландские леди, швыряться в ублютков табуретками! Покажи-ка нам свою правую руку!

Несколько человек оглушительно рассмеялись, и Мейкпис ощутила некую опасность в их поддразнивании.

– Да это никак дочка Маргарет Лайтфут? – неожиданно раздался молодой голос. Вглядевшись в темноту, Мейкпис едва различила знакомое лицо жившего по соседству четырнадцатилетнего подмастерья ткача. – Что ты здесь делаешь?

– Заблудилась, – поспешно объяснила Мейкпис. – Что происходит?

– Мы вышли на охоту! – В глазах у подмастерья появился неистовый, яростный блеск. – Загоним старого лиса Уильяма, архиепископа Лода!

Мейкпис слышала это имя сотни раз – Лода проклинали как одного из греховных советников короля.

– Мы всего лишь собираемся пойти постучаться ему в дверь, поздороваться. Как добрые соседи. – Он взвесил на руке дубинку и с силой шлепнул ею по ладони, не находя себе места от возбуждения.

Слишком поздно догадалась Мейкпис об истинном значении листков. В них объявлялось о большом собрании недовольных на Сент-Джордж-Филдз.

Когда глаза Мейкпис привыкли к темноте, она поняла, что здесь полно подмастерий и все принесли импровизированное оружие: молотки, палки от метел, кочерги и доски – с оче-

³ Сент-Джордж-Филдз – кладбище при церкви Святого Георгия.

видным намерением пустить все это в ход. Судя по свирепой веселости, они были серьезно настроены и полны решимости выволочь порок из дворца и расколотить его корону. Но Мейкпис видела в их сверкающих глазах, что это было еще и игрой, кровавой игрой, вроде травли медведя.

– Мне нужно домой, – начала Мейкпис, но слова имели горький привкус. Она потеряла единственный шанс больше узнать о своем прошлом, но что, если при этом потеряла и дом? Мать распознала ее уловки, потому и предложила сбежать, а Мейкпис так и поступила.

Подмастерье нахмурился и приподнялся на цыпочки, общаривая взглядом толпу. Мейкпис последовала его примеру, пытаясь что-то рассмотреть, но оказалось, что дорога, по которой она прибежала сюда, уже запружена людским потоком, вливающимся на Сент-Джордж-Филдз.

– Держись рядом, – встревоженно велел подмастерье, когда толпа стала продвигаться вперед, подхватив их своим течением. – Со мной тебе ничего не грозит.

Мейкпис было трудно разглядеть что-то за массой высоких мужчин, но по мере того, как толпа уносила ее за собой, воинственные крики, смех и грубые шуточки становились все громче, сыпались отовсюду. Армия подмастерий казалась бесчисленной. Неудивительно, что они так уверены, так полны решимости добиться цели!

– Мейкпис! Где ты?

Оклик почти поглотил оглушительный рев, но Мейкпис услышала. Это голос матери, она уверена! Мать побежала за ней и теперь увязла в толпе, где-то сзади.

– Ма! – откликнулась Мейкпис, хотя толпа неумолимо тащила ее вперед.

– Вот он, Ламбетский дворец! – крикнул кто-то впереди. – И в окнах свет горит!

Мейкпис снова ощутила речной запах и увидела впереди, на берегу, огромное здание с высокими квадратными башнями, резко очерченные зубцы которых впились в вечернее небо.

Где-то впереди, из головы толпы, раздались яростные крики споривших. Остальных охватило лихорадочное, неустойчивое напряжение.

– Поворачивайте назад! – прогремел чей-то голос. – Расходитесь по домам!

– Что там впереди? – требовательно спрашивали стоявшие сзади.

Сразу же до них долетел с десятков различных ответов. Кто-то утверждал, что это солдаты, кто-то – что это люди короля, а некоторые были уверены, что это сам архиепископ.

– Да заткнитесь вы! – прокричал наконец какой-то подмастерье. – Вытащите на улицу Лиса Уильяма – или мы разнесем двери и поприветствуем всю шайку во дворце!

Толпа ответила громовым ревом, и люди стали яростно проталкиваться вперед. Клочок неба над Мейкпис сжался и усох, когда ее стеснили более массивные спутники. Впереди слышались боевые кличи, вопли и рык дерущихся.

– Разносите двери! – выкрикнул один. – Тащите ломы!

– Бейте светильники! – вторил другой.

Когда прогремел первый выстрел, Мейкпис показалось, что кто-то уронил на булыжники что-то тяжелое. За первым выстрелом последовал второй, третий...

Толпа всколыхнулась. Кто-то подался назад, кто-то ринулся вперед. Мейкпис получила коленом в живот, а в глаз ей нечаянно ткнули дубинкой.

– Ма!

Люди вокруг Мейкпис заматались, но она упорно пробиралась через толпу, на звуки материнского голоса:

– Я здесь!

Впереди кто-то вскрикнул – резкий, короткий звук, – и Мейкпис сначала не поняла, кто кричит. Она никогда раньше не слышала материнского крика. Но, протолкнувшись ближе, увидела женщину, лежавшую на земле у стены. Слепая, обезумевшая толпа шагала прямо по ней.

– Ма!

С помощью дочери мать с трудом поднялась на ноги. Она была пепельно-бледной, и Мейкпис даже в темноте увидела черные струйки крови, ползущие по левой щеке. Каждый шаг давался ей с трудом. Один глаз был закрыт, а правая рука неловко дергалась.

– Я отведу тебя домой, – прошептала Мейкпис пересохшими губами. – Прости, ма. Мне так жаль.

Несколько мгновений мать невидяще смотрела на Мейкпис, словно не понимая, кто это. Но вдруг ее лицо напряглось и исказилось.

– Нет! – хрипло завопила она и, выбросив вперед руку, ударила Мейкпис по лицу и оттолкнула. – Не подходи ко мне! Проваливай! Проваливай!..

Мейкпис, потеряв равновесие, упала, правда успев увидеть лицо матери, застывшее в ярости и отчаянии, но тут же получила пинок в лицо, от которого по лицу заструились слезы. Кто-то наступил ей на щиколотку.

– Готовьтесь! – раздался громкий вопль. – Идут!

Снова прогремели выстрелы, словно взрывались звезды.

Внезапно сильные руки подхватили Мейкпис за подмышки и подняли с земли. Высокий подмастерье бесцеремонно перекинул ее через плечо и унес с передней линии, хотя она сопротивлялась и звала мать. В начале переулка он сбросил ее с плеча.

– Беги домой! – заорал он на Мейкпис, покраснев от гнева, а сам с высоко поднятым молотом ринулся назад, в свалку.

Она так и не узнала, кем был тот парень и что с ним случилось. И больше не видела мать живой.

Тело Маргарет нашли уже после того, как восставших вынудили отступить. Так и осталось неизвестным, кто нанес смертельный удар. Возможно, невольный убийца слишком сильно, не обернувшись, замахнулся кочергой, а может, всему виной был случайный пинок в голову подбитым гвоздями сапогом, или она пала жертвой шальной пули.

Мейкпис не знала и знать не хотела. Мятеж убил мать, и это Мейкпис привела ее сюда. Во всем виновата она.

А прихожане, охотно покупавшие кружево и вышивки матери, решили, что их драгоценный церковный двор – не место для женщины с внебрачным ребенком. Священник, что был таким добрым при встречах, теперь, стоя за кафедрой, объявил, что Маргарет Лайтфут не войдет в число спасенных.

Мать похоронили в неосвященной земле на краю болот Поплара, на пустоши, заросшей колючей ежевикой и радушно принимавшей только ветер, птиц да людей, которым есть что скрывать, как Маргарет Лайтфут.

Глава 3

«Ты сведешь меня в могилу».

Мейкпис никак не могла забыть слов матери. Они стали ее неразлучными спутниками с рассвета до поздней ночи. Она все время представляла, как мать произносит их, но теперь уже ровным, холодным тоном.

«Я убила ее, – думала Мейкпис. – Убежала, а она последовала за мной в опасное место. Во всем виновата я, и перед смертью она возненавидела меня за это».

Мейкпис думала, что теперь ей позволят спать в одной постели с маленькими кузенами, но ей по-прежнему приходилось довольствоваться тюфяком, который она делила с матерью. Возможно, все чувствовали, что она убийца. А может, тетя и дядя просто не знали, что с ней делать, особенно теперь, когда больше не было кружев на продажу, чтобы оплатить еду и кров.

Она была одинока. Мать и дочь были словно отгорожены от всех частоколом, а теперь он окружал только девочку, отсекая от остального мира.

Все в доме молились как обычно, добавляя дополнительную молитву за мать. Но Мейкпис обнаружила, что больше не может молиться так, как ее учили, обнажая душу перед Господом. Она пыталась, но ее, казалось, переполняла неистовая, белая, как октябрьское небо, пустота, которую невозможно облечь в слова. Она опасалась, что окончательно лишилась души.

На вторую ночь одиночества в комнатухе Мейкпис попробовала силой открыть крышку души, под которой клубились чувства. Заставила себя молиться о прощении, за душу матери и свою. Закончилось тем, что она затряслась, как в ознобе. Но не от холода – от страха, что Бог слушал ее с ледяной неумолимой яростью, заглядывая в каждый прогнивший уголок души. И одновременно страшилась, что Он вообще не слушает, никогда не слушал и впредь слушать не станет.

Это усилие вымотало ее. Потом она заснула.

Тук. Тук-тук.

Мейкпис открыла глаза. Она замерзла, потому что была одна в постели, и теперь уже не суждено прижаться к материнской спине, чтобы согреться. В непроглядной тьме потеря казалась совершенно безмерной.

Тук-тук-тук.

Стук доносился со стороны ставен. Возможно, они просто неплотно закрыты. Если так, то будут дребезжать всю ночь, не давая уснуть.

Мейкпис неохотно поднялась и ощупью пробралась к окну. Свеча не понадобилась: она слишком хорошо знала дорогу. Девочка потрогала задвижку. Закрыта. Но вдруг почувствовала пальцами дрожь, словно кто-то под окном постучал снова. Из-за деревянных дощечек донесся шум, такой тихий и сдавленный, что казался не более чем щекоткой в ухе, но звучал как человеческий голос, и в тоне было что-то пугающе знакомое. От ужаса волосы на затылке Мейкпис встали дыбом.

Вот он снова, придушенный всхлип по другую сторону ставен. Единственное слово. «Мейкпис».

Мейкпис тщетно сражалась с сотней кошмаров, чтобы держать ставни сна закрытыми и не дать обезумевшим призракам ворваться и напасть на нее. При этом воспоминании у нее задрожали руки, но пальцы по-прежнему лежали на задвижке. «Мертвецы подобны утопленникам», – говорила мать. Мейкпис представила, как мать тонет в ночном воздухе, медленно колыхается, черные волосы разметались... Вообразила ее беспомощной, одинокой, отчаянно пытающейся за что-нибудь уцепиться.

– Я здесь, – громко прошептала она. – Это я, Мейкпис.

Она прижалась ухом к ставне и на этот раз, казалось, сумела разобрать слова приглушенного ответа:

– Впусти меня.

Кровь у Мейкпис застыла, но она велела себе не пугаться. Мать вовсе не такая, как другие мертвецы. Она другая. Что бы ни ждало Мейкпис за ставнями, это все равно мать. Мейкпис не может покинуть ее... снова покинуть.

Она отодвинула задвижку и открыла ставни. За окном, в угольно-черном небе, поблескивали редкие тусклые звезды. Сырой ветер просачивался в комнату, щекоча кожу, которая сразу покрылась мурашками. Грудь стиснула уверенность, что вместе с ветром в комнату вошло что-то еще. Тьма приобрела новую текстуру, и больше Мейкпис не была одинока.

Жуткий страх внезапно овладел ею, мешаясь с чувством, что она совершила нечто непорочное. Кожу покалывало, и девочка снова ощутила знакомую щекотку паучьих ножек в мозгу. Нерешительное касание мертвых. Она отпрянула от окна и попыталась укрепить мысленную защиту. Но стоило подумать о матери, и все заклинания становились такими же бесполезными, как детские считалки.

Мейкпис крепко зажмурилась, держа в памяти лицо матери в ту первую ночь в часовне. Странное, неумолимое создание с непроницаемым, застывшим лицом. Шею овеяло ледяным сквозняком – дыхание чего-то бездыханного. Снова что-то пощекотало лицо и ухо – должно быть, выбившаяся прядь волос. Девочка замерла, часто, неглубоко дыша.

Ответил голос. Почти голос. Расплавленная мешанина звуков – слюнявого бормотания идиота, ломаных, расплывающихся, подобно яичному белку, согласных. Он звучал у самого уха. Вернее сказать, зудел. Глаза у Мейкпис распахнулись. Вот! Вот оно! Перед глазами возникло колеблющееся, серое, как крылья моли, искаженное лицо. Вместо глаз дыры. Рот широко раскрыт, челюсть отвисла, кажется, до пола, словно мертвец кричит.

Мейкпис отшатнулась и, не помня себя, стала отступать, пока не прижалась спиной к стене. Смотрела, смотрела неотрывно, желая ошибиться, даже когда мертвец жадно потянулся к ее глазам сотканными из дыма пальцами. Она успела в последний момент зажмуриться и ощутила холодное прикосновение к векам. Это кошмар. Всему виной ее кошмары, но сейчас надежды проснуться нет.

Она заткнула уши, но слишком медленно и успела разобрать пугающие звуки: «Впусти меня... Впусти меня... Мейкпис,пусти меня...» Голос пробирался в разум, через все линии обороны. Нашел щели, проделанные печалью, любовью и воспоминаниями, и стал раздирать их жестокими, нетерпеливыми пальцами. Отрывал кусочки от сердца и рассудка, просачиваясь все глубже. Он знал, как миновать любую защиту. Знал дорогу к мягкой, беззащитной сердцевине.

Но Мейкпис с ужасом сопротивлялась. Неистово, всеми силами разума набросилась на туманную мягкость существа, калеча и разрывая ее, чувствуя его вопли. Растерзанные бесплотные клочья беспомощно извивались, подобно разрезанным червям, и пытались проникнуть ей в душу. Существо боролось, цеплялось и царапалось. Не в силах произнести ни слова, оно только скулило и жалобно выло.

Мейкпис не собиралась снова открывать глаза. Но все же открыла. На кратчайшее мгновение. В самом конце. И потому увидела, что стало с лицом, и это сделала с ним она. В нем был страх, а пасть кривилась в жалком подобии ненависти. Искраженные, исчезающие черты – трудно было назвать это лицом. И все же это была мать.

Мейкпис в беспамятстве кричала, кричала, кричала. Очнувшись она на полу, мигая от бьющего в глаза света тонкой свечи, которую держала тетка. Семейство сгрудилось вокруг, сменяемое вопросами. Ставня была откинута и с легким стуком покачивалась на ветру.

Тетка сказала, что Мейкпис, должно быть, упала с кровати, когда ей приснился кошмар. Мейкпис хотелось, чтобы она оказалась права! Конечно, это не особенно ободряло, ведь призраки, воюющие с ней в кошмарах, порой бывали вполне реальными. Но, пожалуйста, Боже, только не этот призрак. Этот не мог напасть на нее, и Мейкпис не могла разорвать его в клочья. Сама мысль об этом была невыносимой.

То был только сон – Мейкпис в отчаянии цеплялась за эту мысль.

Всего неделю спустя пошли слухи о нашествии призраков на болотах. Говорили, что они населяют самый заброшенный уголок: слишком тинистый, чтобы пасти там скот, исчерченный топкими, опасными тропинками.

Какое-то невидимое существо напугало бродячего торговца, когда ломилось сквозь камыши, оставляя за собой неровную дорожку. Местные грачи покинули гнезда, а водоплавающие птицы перебрались в другие болота. Вслед за тем на постоянный двор «Ангел», ютившийся между городом и зарослями тростника, стали захаживать не только матросы.

– Дух мщения, – назвала его тетка. – Говорят, он является на закате.

Неизвестное создание крушило все подряд, сломало дверь и до полусмерти избило какого-то силача.

Мейкпис была единственной, кто слушал эти истории с болезненным уколом надежды и одновременно страхом. Могила матери находилась на краю болот, не так уж далеко от «Ангела». И хотя девочку охватывал ужас при мысли, что где-то буйствует обезумевший дух матери, но, выходит, Мейкпис не разорвала его в клочья. Отрадно сознавать, что она не убила мать во второй раз.

– Я должна найти ее, – твердила себе Мейкпис, хотя при мысли об этом ей становилось плохо. – Я должна поговорить с ней. Спасти.

Среди прихожан церкви, в которую ходила Мейкпис, не было завсегдатая «Ангела», если не считать старого Уильяма в периоды его грехопадений. Когда тот приходил домой в подпитии, священник обличал его в проповедях и просил всех помочь вернуть беднягу на путь истинный и молиться за грешника.

Мейкпис с чувством неловкости побрела по изрезанной колеями дороге на постоянный двор, гадая, не обвинят ли ее в пьянстве в ближайшее же воскресенье. Каменные строения «Ангела» выстроились изломанной линией, словно обнимая маленький двор. Грузная женщина с массивным подбородком, в грязном полотняном чепце, подметала крыльцо, но, услышав шаги Мейкпис, подняла голову.

– Привет, куколка! Пришла отвести домой отца? Кто он?

– Нет... я хочу узнать о привидении.

Женщина, как будто не удивившись, коротко, деловито кивнула.

– Если хочешь посмотреть, купи кружку чего-нибудь.

Мейкпис последовала за ней в темное помещение и, терзаясь угрызениями совести, выложила монету из теткиных денег за кружку пива послабее. Только после этого ее вывели через заднюю дверь.

За постоянным двором тянулся покрытый опилками участок голой земли. Мейкпис предположила, что именно здесь развлекались гости постоянного двора, особенно когда народа собиралось достаточно, чтобы как следует повеселиться и поглазеть на обритых боксеров, дравшихся на кулаках, петушьи бои и травлю барсуков, а также предаться менее кровавым занятиям: метанию колец в цель, кеглям или игре в шары. Повсюду на земле виднелись темные пятна от эля или крови. Чуть подальше стояла низкая ограда с перелазом, а за ней тянулись мили болот: колеблемый ветром, мягко поблескивавший в свете позднего дня тростниковый лес.

– Пойдем! Взгляни на это!

Женщина, казалось, испытывала профессиональную гордость, демонстрируя Мейкпис причиненные разрушения. Засов задней двери был сломан, одна панель раздроблена в щепки. Окно разбито, рама погнута, несколько стекол поменьше побелели от густой сети трещин. Полотняная вывеска разорвана в клочья, на которых все еще можно разглядеть намалеванные трубу, барабаны и темный силуэт какого-то зверя. У двух стульев поломаны спинки. Стол опрокинут.

Мейкпис с упавшим сердцем слушала рассказ женщины, слишком поздно сообразив, что никто из призраков, с которыми она имела дело, не причинял разрушений, видимых всем и каждому. Они атаковали ее разум, но никогда и чашки не разбили. Ей подумалось, что, возможно, это была обычная кабацкая драка. Она украдкой бросила взгляд на изнуренное, хитрое лицо хозяйки. «Возможно, она сама все натворила, а теперь рассказывает, что это проделки призрака, чтобы любопытные приходили сюда и покупали спиртное».

Хозяйка подвела Мейкпис к двум мужчинам, мрачно прихлебывавшим из кружек. Оба были худыми и тощими, с продубленной солнцем кожей. Явно не местные и, судя по валявшимся у ног узлам, бродяги.

– Пришла послушать насчет призрака, – пояснила женщина, кивнув в сторону Мейкпис. – Вы можете рассказать об этом, так ведь?

Мужчины переглянулись и дружно насупились. Похоже, вряд ли эта история добавит им хорошего настроения!

– Она купит нам выпивку? – спросил тот, что повыше.

Хозяйка, вскинув брови, уставилась на Мейкпис. Чувствуя подступающую к горлу тошноту и еще больше уверенная в том, что ее надувают, Мейкпис рассталась со второй монетой, и хозяйка поспешила принести еще эля.

– Оно появилось из темноты. Видишь это? – Бродяга, что повыше, протянул руку, обмотанную грязным, запятнанным кровью платком. – Располосovalo куртку моего друга и так шмякнуло меня об стену, что мозги едва не вышибло. И нашу скрипку разбило.

Он взмахнул скрипкой, выглядевшей так, словно на нее наступили.

– Мистрис Белл называет его призраком, но я вот что скажу: это дьявол. Невидимый дьявол.

Его гнев казался достаточно искренним, но Мейкпис по-прежнему не знала, стоит ли ему доверять.

«Для тебя все невидимое, особенно если пьян в стельку», – подумала она.

– Оно что-нибудь говорило? – Мейкпис невольно вздрогнула, вспомнив тягучий голос то ли из сна, то ли кошмара наяву.

– Только не нам, – сказал тот, что пониже, протянув кружку вернувшейся с кувшином эля хозяйке. – Оно истолкло нас, словно в ступе, а потом ушло туда. – Он показал на болота. – А по пути сбilo столб.

Мейкпис осушила кружку и собралась с духом.

– Смотри под ноги, куколка! – завопила хозяйка, увидев, как Мейкпис перебирается через перелаз, откуда начинались болота. – Порой тропинки выглядят надежными, но могут выскользнуть из-под ног. Нам бы не хотелось, чтобы и твой призрак вернулся сюда!

Шорох и хруст шагов громко отдавались в ушах Мейкпис, когда она шла по болотам. Девочка вдруг поняла, что не слышит пения птиц. Только сухую музыку шелестевшего от ветра тростника да бумажный шепот редких молодых тополей, листья которых на ветру переливались тусклой зеленью и серебром. На нее снизошло удивительное спокойствие, но в то же время появился страх, что она снова совершает ужасную ошибку.

Мейкпис нервно оглянулась, и ее пробрала дрожь. Оказывается, она отошла от постоянного двора на довольно большое расстояние. Девочка ощущала себя маленькой, отвязавшейся

от причала лодочкой, которую уносит в море. И тут застывшую на месте Мейкпис неожиданно ударило и захлестнуло невидимой волной. Ощущение. Нет, запах. Крови, осеннего леса и старой влажной шерсти. Запах несильный. Он покалывал и задевал сознание едва заметно, подобно вздоху. Наполнял чувства Мейкпис, туманил зрение и вызывал тошноту.

«Призрак, – пришла беспомощная мысль. – Призрак».

Но это было совсем не похоже на холодные, ползучие атаки призраков, которых она помнила. Это существо не пыталось процарапать в нее, – просто не знало, что она здесь. И двигалось ощупью: горячее, устрашающее, ничего не сознающее.

Мир поплыл перед глазами. Сейчас Мейкпис вряд ли давала себе отчет, кто она и где находится. Ее поглотили воспоминания, ей не принадлежавшие.

Солнце жалило. Душила вонь опилок. Губу разрывала ужасная боль, и никак не удавалось облечь мысли в слова. В ушах стоял жужжащий гул и жесткий, ритмичный, глухой стук. И с каждым ударом кто-то больно дергал ее за губы. Когда она попыталась ускользнуть, раскаленный нож боли ударил по плечам. Она горела яростью, рожденной страданиями.

Волна улеглась, и Мейкпис съежилась. Окружающий мир все еще пылал солнечным светом, выбивая в голове барабанный ритм и по-прежнему вызывая тошноту. Зрение затуманилось. Девочка неуклюже шагнула вперед, пытаясь обрести равновесие, но почувствовала, что нога заскользила по влажной неровной почве. Мейкпис скатилась с тропинки и растянулась в тростниках, едва ощущая боль от царапин на лице и руках. Потом привсталла, наклонилась, и ее стало рвать, снова и снова, пока едва не вывернуло наизнанку.

Голова постепенно прояснилась. Странная боль стихла. Но она осознала, что все еще ощущает какой-то запах, смешанный с удушливой вонью. И жужжание по-прежнему не унималось. Но теперь звук был иным. До того он казался слабой, скребущей сердце музыкой, теперь же превратился в гул насекомых. Гудение десятков крошечных крыльев.

Неловко поднявшись на ноги и раздвинув тростник, Мейкпис направилась дальше. Дорога шла под горку. С каждым шагом почва становилась все более мягкой и вязкой. Очевидно, она не единственная проходила здесь. Повсюду сломанные стебли тростника, вмятины в грязи... А чуть дальше – что-то распростертое в заросшей канаве. Что-то темное. Что-то размером примерно с человека.

Мейкпис ощутила, как переворачивается желудок. Она ошибалась. Во всем. Если это тело, значит, призрак вовсе не мать. Возможно, Мейкпис только что нашла жертву убийства. И вполне вероятно, убийца прямо сейчас наблюдает за ней. Или это просто путник, сраженный свирепым призраком и нуждающийся в помощи. Нет, она не могла бежать, хотя каждый нерв в ее теле требовал убраться поскорее. Девочка подошла ближе, слыша, как чавкает под ногами грязь. Существо было темно-коричневым и большим, оно вздымалось горой, и его облепили тучи блестящих черно-зеленых мух.

Человек в меховой куртке?

Нет.

Теперь Мейкпис лучше разглядела непонятную фигуру. Наконец-то она поняла, что это такое. И на пару секунд почувствовала облегчение. Но тут же ее захлестнула тяжелая волна грусти, подавив страх и отвращение. Даже смрад. Гибким движением девочка присела рядом с лежавшим, прикрыла рот носовым платочком и очень нежно провела рукой по темной, мокрой фигуре.

Ни признака жизни. Грязь вокруг была изрыта – очевидно, результат слабых попыток выбраться из канавы. А на трупе краснели кровоточащие ссадины с пожелтевшими краями, похоже оставленные цепями и кандалами. Девочка с трудом могла смотреть на разорванную пасть – разверстую рану и ручеек засохшей крови. Она знала: у нее все еще есть душа. И душу жег огонь.

Мейкпис добралась до заднего двора «Ангела», с ног до головы перепачканная болотной жижей и исцарапанная колючим шиповником. Но ей было наплевать. На глаза попала маленькая деревянная табуретка – вполне подходящее оружие. Мейкпис схватила ее, слишком обозленная, чтобы почувствовать тяжесть.

Странствующие актеры о чем-то яростно шептались в углу, не обращая внимания на Мейкпис. Они не замечали ее, пока она не замахнулась табуретом. Удар пришелся в лицо тому, что повыше.

– Эй! Спятившая маленькая дрянь! – завопил он, изумленно уставившись на девочку и зажимая окровавленный рот.

Мейкпис, не отвечая, ударила снова. На этот раз в грудь.

– Ты рехнулась? Убирайся!

Тот, что пониже, попытался отнять у Мейкпис табурет, но она с силой лягнула его в живот.

– Вы оставили его умирать! – вопила она. – Избивали, мучили, таскали на цепи, пока не разорвали пасть! А когда он больше не мог выносить ваших пыток, сбросили в канаву!

– Что на тебя нашло? – Рядом оказалась хозяйка, она обняла Мейкпис сильной рукой, пытаясь удержать.

– О чем ты?

– *Медведь!* – рявкнула Мейкпис. – Медведь.

Мистрис Белл озадаченно воззрилась на актеров:

– О господи! Значит, ваш танцующий медведь сдох?

– Да, и теперь я не знаю, как заработать на хлеб, – отрезал коротышка. – Это место проклято! Ничего, кроме несчастий! Невидимые дьяволы, спятившие девчонки...

Высокий плюнул кровью в ладонь.

– Эта маленькая шлюшка выбила мне зуб! – воскликнул он, не веря глазам, и окинул Мейкпис убийственным взглядом.

– Вы даже не дождались, пока он умрет, прежде чем вырвать из губы кольцо! – продолжала орать Мейкпис. В голове звенело. В любую секунду мужчины могли наброситься на нее, но ей было все равно. – Неудивительно, что он вернулся! Неудивительно, что разъярен и буйствует! Надеюсь, вы не сможете сбежать! Надеюсь, он вас прикончит!

Теперь уже вопили мужчины, да и хозяйка пыталась всех успокоить, не щадя голоса. Но Мейкпис ничего не слышала за зелено-черным гудением гнева в мозгу. Она с силой дернула табурет, но коротышка потянул его на себя. Мейкпис не стала сопротивляться, наоборот, приподняла табурет и ослабила хватку, так что коротышка получил удар по носу и, взвизгнув от ярости, выпустил табурет и метнулся к прислоненному к его узлу дубовому посоху. Хозяйка бросилась наутек, призывая на помощь, а Мейкпис очутилась лицом к лицу с двумя разозленными окровавленными мужчинами.

Однако их гнев был ничем в сравнении с яростью медведя, вырвавшегося из болот.

Мейкпис первая увидела его. Медведь был дымчато-темной складкой на теле мира, четырехлапой и горбатой, и казался больше, чем на самом деле. Он с пугающей скоростью галопировал по направлению к дерущимся. Его глазки и разверстая пасть казались полупрозрачными дырами.

Столкнувшись с Мейкпис, он сбил ее с ног. Оглушенная ударом, она лежала на земле. Тьма, бывшая медведем, нависла над ней. И все же девочка не сразу поняла, что смотрит в его огромную черную спину. Он стоял между ней и врагами. Словно защищал детеныша.

Сквозь сумрачный силуэт медведя она по-прежнему видела обоих врагов. Они дружно шагнули вперед. Один поднял посох, чтобы ударить Мейкпис. Медведя они не замечали! И не поняли, почему удар не достиг цели: огромная призрачная лапа одним взмахом отбила палку.

Одна только Мейкпис могла видеть медведя. Одна только Мейкпис могла наблюдать, как ярость сжигала зверя, как он с каждым движением растрачивал себя. И когда он ревел безмолвным ревом, призрачные клочья разлетались, словно брызги крови. Бока, казалось, исходили паром. Он исчезал, испарялся и даже не знал об этом.

Мейкпис усилием воли встала на колени. Голова кружилась от медвежьего смрада и песни его ярости в ее крови. Она машинально вытянула руки, обняв буйствовавшую тень. Все, что она хотела в этот момент, – остановить разлетающиеся клочья, удержать медведя и не дать ему растаять, превратиться в ничто.

Ее руки сомкнулись на тьме, и Мейкпис провалилась в эту тьму.

Глава 4

– Она уже много дней в таком состоянии, – раздался голос тети.

Мейкпис не понимала, где находится и почему. Голова раскалывалась и была слишком тяжелой, чтобы попробовать ее приподнять. Окружающий мир казался призрачно-смутным, а голоса долетали словно откуда-то издалека.

– Так больше не может продолжаться, – донесся голос дяди. – Половину времени она лежит здесь как мертвая, а вторую половину... Что говорить, ты ее видела! Скорбь помутила ее рассудок. Мы должны думать о детях! Им небезопасно оставаться с ней!

Мейкпис впервые различила в его голосе нотки страха.

– Что подумают о нас люди, если мы выбросим на улицу свою же кровь? – спросила тетя. – Она наш крест, нам его и нести.

– Мы не единственная ее родня, – возразил дядя.

Последовала пауза, после чего тетя громко вздохнула. Мейкпис почувствовала, как теплые, натруженные руки нежно сжали ее лицо.

– Мейкпис, дитя мое, ты меня слышишь? Твой отец... как его зовут? Маргарет так и не сказала нам. Но ты, конечно, знаешь, верно?

Мейкпис качнула головой.

– Гризхейз, – прошептала она хрипло. – Он живет... в Гризхейзе.

– Я так и знала, – прошептала тетя – голос звучал благоговейно и одновременно торжествующе. – Сэр Питер! Я так и знала.

– Он что-нибудь сделает для нее? – поинтересовался дядя.

– Нет, но сделают родственники, если не хотят, чтобы их имя вывалили в грязи, – твердо заявила тетя. – Вряд ли им будет приятно, если кто-то с такой благородной родословной будет брошен в Бедлам⁴, не так ли? Если они ничего не предпримут, я расскажу, куда ее отправят.

Но слова снова рассыпались на звуки. Мейкпис опять погрузилась во мрак.

Следующие несколько дней проплыли мимо, ничем не различаясь, прошли как копье сквозь мутную воду. Родные почти все время держали Мейкпис туго запеленутой в одеяло, как новорожденное дитя. Когда сознание прояснялось, одеяло разворачивали. Но она не понимала, что ей говорили, не слушала приказаний и ничем не могла заниматься. Пошатывалась, спотыкалась, роняла все, что пыталась взять в руки. От аромата пекущихся на кухне пирогов, раньше такого знакомого и привычного, ее тошнило. Запахи жира, свежего мяса, трав стали невыносимыми. Мало того, слепили. И сливались в медвежий смрад, преследовавший ее. Ей никак не удавалось отскрести сырую, теплую вонь его сознания.

Она пробовала вспомнить, что произошло после того, как потянулась к медведю и тьма поглотила ее, но воспоминания становились темным водоворотом. Правда, она, кажется, видела двух бродяг, и они вроде бы орал во весь голос, а их бледные лица были залиты кровью.

У зверей не бывает призраков – по крайней мере, она всегда так думала. Но, очевидно, ошибалась. К этому времени он, возможно, выгорел дотла и превратился в ничто из-за своей жажды мести. Она надеялась, что в конце медведь обрадовался такому повороту. «Возможно, – смутно вертелось у нее в голове, – от сумасшедших призраков зверей можно заразиться лихорадкой».

Она и в самом деле считала, что больна лихорадкой, когда однажды ее привели в большую комнату, где у очага стоял высокий незнакомец в темно-синем камзоле, с большим носом и гривой белоснежных волос. Именно за этим человеком она гналась в вечер мятежа, как за блуждающим огоньком.

⁴ Бедлам – простонародное название госпиталя Святой Марии Вифлеемской, психиатрической больницы в Лондоне.

Мейкпис уставилась на него, чувствуя, как наполняются слезами глаза.

– Это мастер Кроу, – медленно, осторожно объяснила тетя. – Он приехал забрать тебя в Гризхейз.

– Мой... – Голос по-прежнему был хриплым. – Мой отец...

Тетя неожиданно обняла Мейкпис и коротко, но сильно стиснула.

– Он умер, дитя мое, – прошептала она. – Но его семья сказала, что примет тебя, а Фелмотты присмотрят за тобой лучше, чем я.

С этими словами она поспешила собрать вещи Мейкпис, проливая слезы нежности, беспокойства и облегчения.

– Мы постоянно пеленали ее в одеяло, – пробормотал дядя мистеру Кроу. – Возможно, вы поступите так же, когда она начнет буйствовать. Уж и не знаю, что эти негодяи на постоялом дворе с ней сделали. Думаю, избили до полусмерти, прежде чем кто-то их отогнал.

Мейкпис едет в Гризхейз! В тот последний роковой день она сказала матери, что собирается сделать именно это. Возможно, ей следовало чувствовать себя счастливой или по крайней мере ощутить хотя бы что-то. Но Мейкпис была совершенно разбита и опустошена, словно выеденная яичная скорлупа. Охота за призраком матери привела ее к мертвому медведю. А теперь мистер Кроу, казавшийся ключом к разгадке тайны отца, привел Мейкпис еще к одной могиле.

Священник годами разглагольствовал о конце света, и вот теперь он настал. Мейкпис знала это. Ощущала.

Пока экипаж проносил ее по улицам Поплара, она, все еще ошеломленная, задавалась вопросом, почему не трясется земля, почему звезды не сыплются с небес, подобно спелому инжиру, и почему ей не удастся увидеть ангелов или сияющую женщину из видений няни Сьюзан. Пока что она видела лишь сохнувшую одежду, слышала грохот тачек и скрежет, с каким отскребали ступеньки. Слово ничего не случилось. И почему-то это было хуже всего.

Экипаж катился на северо-запад, а Мейкпис по-прежнему старалась осознать все, что ей рассказали. Ее отец, сэр Питер Фелмотт, мертв. Он происходил из очень старого благородного рода, и его родные согласились ее принять.

Все это звучало сладостно-горьким концом баллады, но Мейкпис словно оцепенела. Почему мать отказывалась говорить о нем? Она вспомнила предостережение матери: «Ты понятия не имеешь, от чего я тебя спасла. Если бы я осталась в Гризхейзе...»

Мысли о матери были ошибкой. На Мейкпис снова нахлынули воспоминания о кошмарном призраке с чертами материнского лица. Невнятный голос. Серое разодранное лицо...

Мейкпис снова вернулась в то темное место. А когда вырвалась оттуда, тошнота вновь подкатила к горлу, а вместе с ней обрушилась усталость. Мейкпис по-прежнему сидела в экипаже, но уже была туго завернута в одеяло из овечьей шкуры, так что и рукой шевельнуть не могла. Для верности поверх одеяла ее обмотали веревкой.

– Теперь ты стала спокойнее? – не повышая голоса, спросил мистер Кроу.

Девочка недоуменно заморгала. Мистер Кроу молчал. Мейкпис нерешительно кивнула. Спокойнее? Чем когда?

На подбородке набухал новый синяк. Синяк был и в ее памяти. Неуловимое, смутное ощущение, что она сделала что-то, чего делать не следовало. Похоже, она попала в беду.

– Я не могу допустить, чтобы ты выпрыгнула из экипажа, – выговорил наконец мистер Кроу.

Одеяло из овечьей шкуры было толстым, теплым и хранило запахи животного. Мейкпис цеплялась за эти запахи: хоть что-то, что она понимала. Мистер Кроу больше ничего ей не сказал, и она была благодарна за это.

В течение длинного путешествия под непрерывным дождем ландшафт постепенно менялся. В первый день он был привычен Мейкпис: затянутые туманом луга и пышные светло-

зеленые нивы. На второй день подняли гребни низкие холмы. К началу третьего нивы уступили место вересковым пустошам, на которых паслись тощие черномордые овцы. Наконец, очнувшись от дремоты, она увидела, что экипаж почти плывет по забиравшей в гору дороге, превращенной дождями в жидкий суп. По обе стороны лежали голые поля и пастбища. Горизонт охранялся линией темных холмов. Впереди, за небольшой рощицей темных искривленных тисов, стоял дом с серым фасадом, огромный и непривлекательный. Над ним возвышались две башни, похожие на бесформенные рога.

Это и был Гризхейз. Хотя Мейкпис никогда раньше его не видела, но все же сразу узнала, словно в глубине души зазвенел огромный колокол.

К тому времени, как они приехали, Мейкпис замерзла, устала и проголодалась. Ее развязали, распеленали и передали рыжей служанке с утомленным лицом.

– Его милость захочет увидеть ее, – предупредил Кроу, прежде чем оставить Мейкпис на попечение женщины.

Та передела ее, обтерла лицо мокрой салфеткой и расчесала волосы. Она не была злой, но и доброй не казалась. Мейкпис сознавала, что ее приводят в порядок не затем, чтобы позаботиться о сироте. Ребенка необходимо представить новым родственникам.

Женщина заохала, увидев грязные, обломанные ногти Мейкпис. Сама девочка не могла вспомнить, как и почему это случилось.

Когда Мейкпис обрела почти приличный вид, служанка повела ее по темному коридору, затем молча втолкнула в комнату и плотно закрыла за ней дубовую дверь. Мейкпис оказалась в просторном теплом помещении с самым большим и ярко пылающим камином, который она когда-либо видела. Стены были затянуты шпалерами со сценами охоты, на которых раненые олени закатывали глаза, а с их боков стекала вышитая кровь. На постели распростерся очень старый мужчина.

Мейкпис с трепетом и страхом уставилась на него, пока ее измученный рассудок пытался припомнить, что ей рассказывали. Это мог быть только Овадия Фелмонтт, глава семьи, сам лорд Фелмонтт.

Он серьезно беседовал о чем-то с седовласым Кроу. Похоже, никто не заметил ее появления. Смущенная и растерянная, Мейкпис переминалась у двери, невольно вслушиваясь в их тихие голоса.

– Итак... те, кто обвинял нас, больше не смогут ничего сделать?

Голос Овадии походил на слабый, дребезжащий скрип.

– Один покончил с собой после того, как потерял свое состояние, а все его суда утонули, – спокойно пояснил Кроу. – Другого сослали, когда нашли его письма к испанскому королю. Любовные похождения третьего стали достоянием сплетников, и муж любовницы убил его на дуэли.

– Хорошо, – одобрил Овадия. – Очень хорошо. – Помолчав, он прищурился. – А о нас все еще ходят слухи?

– Их трудно задушить, милорд, – осторожно заметил Кроу. – Особенно те, где речь идет о колдовстве.

Колдовстве?

Мейкпис ощутила дрожь суеверного ужаса. Правильно ли она расслышала? Священник в Попларе иногда говорил о колдунах – нечестивых, продажных женщинах и мужчинах, заключивших тайную сделку с дьяволом, чтобы получить греховную силу. Они могут слазить любого. Заставят твою руку усохнуть, уничтожат урожай на корню, сделают так, что твой ребенок заболеет и умрет.

Конечно, колдуны были вне закона, их ловили и предавали суду, а иногда даже вешали.

– Если мы не сумеем оградить короля от подобных слухов, – медленно выговорил старый аристократ, – значит, нужно помешать ему ими воспользоваться. А для этого следует сделаться полезными ему, слишком полезными, чтобы с нами расстаться. Необходимо обрести над ним власть. Удерживать его чем-то, чтобы он не посмел нас обличить. Ему отчаянно требуется занять у нас деньги, не так ли? Уверен, мы сможем заключить нечто вроде сделки.

Мейкпис, окончательно онемев, продолжала стоять у двери. Жар от камина пощипывал лицо. Не все услышанное она поняла, но была твердо уверена, что подобные мысли и слова никогда, никогда в жизни не должны были донестись до ее ушей.

Но тут старый лорд повернул голову и, заметив ее, слегка нахмурился:

– Кроу что это дитя делает в моей комнате?

– Дочь Маргарет Лайтфут, – тихо ответил Кроу.

– А, бастард. – Морщины на лбу Овадии немного разгладились. – Давай-ка посмотрим на нее.

Он знаком подозвал Мейкпис. Рухнули ее последние надежды на теплый прием. Она медленно приблизилась и остановилась возле кровати. Ночная рубашка и сползший на лоб колпак Овадии были обшиты дорогим кружевом, и Мейкпис принялась беспомощно вычислять, сколько недель потребовалось бы матери, чтобы сплести такое же. Но тут она сообразила, что уставилась на лорда, и поспешно опустила взгляд. Глазеть на богатых и могущественных было опасно. Все равно что смотреть на солнце.

Поэтому она стала наблюдать за ним сквозь полуопущенные ресницы. Разглядывала унизанные кольцами пальцы, голубые вздувшиеся вены. Он пугал ее.

– О да, она одна из детей Питера, – пробормотал Овадия. – Взять хотя бы ямочку на подбородке! И эти светлые глаза! Но ты говоришь, она спятила?

– Большую часть времени покорная, но очень медлительная и буйная во время припадков. Родные говорят, что всему виной скорбь и удар по голове.

– Если разум из нее выбили, вбей его обратно, – отрезал Овадия. – Нет смысла жалеть розгу, когда речь идет о детях и сумасшедших. Они очень похожи. Становятся дикарями, если оставить без присмотра. Единственное лекарство – наказание. Ты! Девчонка! Можешь говорить?

Мейкпис вздрогнула и кивнула.

– Мы слышали, что у тебя бывают кошмары, дитя мое, – продолжал Овадия. – Расскажи о них.

Мать запретила Мейкпис говорить о своих снах. Но мать больше не мать, и обещания, похоже, теперь не имеют особого значения. Поэтому девочка, заикаясь, пролепетала несколько несвязных предложений о черной комнате, шепотках и летающих лицах.

Овадия с довольным видом не то хохотнул, не то тихонько кашлянул.

– Ты знаешь, кто эти существа, которые являются тебе в кошмарах? – осведомился он.

Мейкпис сглотнула, прежде чем кивнуть.

– Мертвые создания, – ответила она.

– Сломленные мертвые создания, – поправил лорд, словно речь шла о важном отличии. – Слабые. Чересчур слабые, чтобы укрепиться и держаться, не имея тела. Они хотят получить твое... Ты ведь знаешь об этом. Не так ли? Но здесь они до тебя не дотянутся. Это паразиты, и мы уничтожаем их, как крыс.

В сознании Мейкпис всплыли расплывшиеся мстительные лица. «Слабые, мертвые, сломленные существа. Паразиты, которых следует уничтожить». Она поскорее захлопнула дверь за этими мыслями, но они не собирались оставаться взаперти. Мейкпис затрясло. Она ничего не могла с этим поделать.

– Они прокляты? – выпалила она. «Мать пойдет в ад? И это я послала ее в ад?» – Священник сказал...

– О, чума ему в глотку! – рявкнул Овадия. – Тебя, глупая девчонка, вырастили в пуританском логове! Стриженная ханжеская шайка пустословов! Этот священник когда-нибудь точно попадет в ад и утащит за собой свою разношерстную паству! И если ты не забудешь весь бред, который вбили тебе в голову, пойдешь той же дорогой. Они хотя бы крестили тебя? – спросил он и одобрительно крикнул, когда она кивнула. – Что же, по крайней мере хоть это. А создания... которые хотят пробраться тебе в мозг... Им это удалось?

– Нет, – заверила Мейкпис, невольно вздрогнув. – Пытались, но я... я сопротивлялась.

– Мы должны быть уверены. Подойди сюда! Дай посмотреть на тебя.

Мейкпис, занервничав, приблизилась. Старик протянул руку и с удивительной силой сжал ее подбородок. Мейкпис, растерявшись, встретила его взгляд и тут же учуяла запах зла, разлитого в воздухе, как дым. Его морщинистое лицо, напоминавшее географическую карту, было тусклым. В отличие от глаз – холодных, цвета мутного янтаря. Девочка не понимала, что это означает, но точно знала: с Овадией что-то неладно. Находиться рядом с ним не хотелось. Потому что отныне она в опасности.

Его лицо собралось мелкими морщинами и складками, словно беседовало само с собой. Потом он прикрыл древние глаза и стал изучать Мейкпис сквозь полуприкрытые веки.

Что-то происходило. Что-то касалось свежих ссадин в ее душе. Исследовало. Прощупывало. Мейкпис протестующе вскрикнула и попыталась вырваться из рук Овадии, но его хватка была болезненно сильной. На мгновение ей показалось, что она снова вернулась в кошмар, в свою темную комнатку, в ушах звучит растекающийся голос и безжалостный дух рвет когтями ее рассудок...

Девочка коротко, резко вскрикнула и попробовала дотянуться до своих солдат – защитников сознания. И, когда стала мысленно сопротивляться, ощутила, как прощупывающее присутствие отступило. Пальцы Овадии отпустили ее подбородок. Мейкпис отпрянула, упала на пол и свернулась клубочком. Стиснула веки, зажала уши кулаками.

– Ха! – Выдох Овадии прозвучал скорее смехом. – Возможно, ты и сумела их отогнать. О, прекрати ныть, дитя! Пока что я верю тебе, но пойми вот что: если один из этих мертвых паразитов свил гнездо в твоём мозгу, тебе грозит опасность. Ты не сможешь выжить его без нашей помощи.

Сердце у Мейкпис стучало молотом. Дышать было трудно. Всего на секунду она скрестила взгляд со злом. Видела его, и оно видело ее. Что-то коснулось ее сознания. Совсем как это делали мертвецы.

Но Овадия не мертв, верно? Мейкпис видела, как он дышит. Должно быть, она ошиблась. Возможно, все аристократы такие же страшные.

– Усвой одно, – объявил он без всякой теплоты. – Никто не хочет тебя взять. Никому ты не нужна. Даже родственникам матери. Интересно, что будет с тобой в этом мире? Бросят в Бедлам? А если и нет, полагаю, ты умрешь от голода или замерзнешь на улице. А может, тебя убьют из-за тех лохмотьев, которые ты называешь одеждой... Если только мертвые паразиты не найдут тебя раньше.

Немного помолчав, старик заговорил снова, на этот раз нетерпеливо:

– Посмотри только на это дрожащее, мокроглазое существо! Поместите ее там, где она ничего не сможет разбить. Девочка, ты должна выказать хоть какую-то благодарность и послушание и прекратить эти припадки, или мы выкинем тебя на пустоши! И тогда никто не защитит тебя, когда паразиты явятся за тобой. Они пожрут твой мозг, как мясо или яйцо.

Глава 5

Молодой долговязый слуга повел Мейкпис сначала по одной лестнице, потом по другой и наконец показал ей маленькую узкую комнатенку где стояла кровать с тюфяком и ночным горшком под ней. На окне были решетки, зато на стенах порхали нарисованные птицы, и Мейкпис подумала, что здесь, возможно, была детская. Молодой слуга казался почти мальчиком. Глядя на его большой горбатый нос, совсем как у седого мистера Кроу, Мейкпис сквозь пелену усталости задалась вопросом, уж не родственники ли они.

– Считай, что тебе повезло, и прекрати свои выходки, – посоветовал он, ставя на пол рядом с ней кувшин с легким пивом и миску с похлебкой. – Не смей визжать и кидаться на людей, поняла? На такие проделки у нас всегда найдется палка.

Дверь за ним закрылась. В скважине повернулся ключ. Мейкпис осталась наедине со своим недоумением. Кидаться на людей? Разве она на такое способна? Теперь она была окончательно сбита с толку.

Мейкпис принялась за похлебку, глядя сквозь прутья решетки на серое небо, двор, поля и пустоши за окружающей дом оградой. Неужели отныне это ее дом навсегда? Эта комната в башне, ставшая ее тюрьмой? И ей суждено состариться здесь, подальше от людских глаз и всяких бед, в качестве домашней сумасшедшей при Фелмоттах?

Мейкпис не могла заснуть: слишком много мыслей теснилось в голове. Она вдруг поняла, что меряет шагами комнату. Иногда девочка сознавала, что разговаривает сама с собой. Или что бормотание застряло в горле и она издает гортанные звуки.

Стены вращались, пока она металась, кидаясь то в одну, то в другую сторону. Обои сложились слоями, как серебристая березовая кора. Она спорила с жарой и шумом в мозгу. В комнате находился кто-то еще, он был не один, и вся компания вела себя безрассудно. Но каждый раз, когда девочка оборачивалась, оказывалось, что за спиной у нее никого нет.

Наконец ноги у нее подкосились, она рухнула на пол и осталась лежать, чувствуя себя слишком огромной и тяжелой, чтобы пошевелиться.словно часть земли, состоявшая из гор и долин, где путешественников одолевала боль и зуд. Мейкпис без всякого интереса рассматривала этих путников, пока дремота не одолела ее.

В снах она шла по лесу, и через каждые несколько шагов перед ней вырастал древесный ствол. Она натыкалась на них, и от этого на теле оставались синяки. На ветвях сидели самые разные птицы, заливаясь трелями. Насмехаясь над ней. Небо отливало серо-черным, как гало-чье крыло, а горло Мейкпис саднило от криков.

Она проснулась в сумерках и тупо уставилась на фиолетовое небо с жирными лохмотьями облаков, на фоне которых металась стайка летучих мышей, будто мрачные мысли.

Она лежала на полу. Не на кровати. Все тело надсадно ныло. Мейкпис поморщилась, осторожно села, опираясь рукой об пол. Болело все. Даже ладони щипало. Рассмотрев их, она обнаружила темные ссадины на костяшках пальцев. Теперь ногти были не только поломаны, но некоторые сорваны. На левом виске и правой щеке появились болезненные припухлости. Ощупав себя, она нашла синяки на руках и бедре. «Что со мной случилось?» – спросила она себя.

Возможно, с ней приключился припадок. Другого объяснения просто нет. Пусть слуга угрожал ей палкой. Но она, наверное, заметила бы, если бы он вошел и избил ее. «Должно быть, я сама себя покалечила. Здесь никого нет, кроме меня».

Словно в насмешку, она услышала шум за спиной. Мейкпис обернулась в поисках источника звуков. Ничего. Пустая комната и протянувшийся по полу восьмиугольник света из окна.

Сердце бешено заколотилось. Звук был ошеломляюще отчетлив, как чье-то дыхание на щеку, щекотавшее ухо. И все же минуту спустя она не могла бы его описать. Грубый. Животный. Вот и все.

И тут девочка учуяла запах. Вонь горячей крови, осенней лесной земли, мокрой лошадиной или собачьей шкуры. Сильный. Мейкпис сразу его узнала.

Она была не одна.

«Но это невозможно! Он выжег себя! И мы в трех днях пути от Поплара! Как он мог меня найти? Здесь же уничтожают призраков! Как он мог пробраться в Гризхейз незамеченным?!»

Но он пробрался. Эту вонь нельзя не узнать. Каким-то непонятным образом медведь оказался в одной с ней комнате.

Мейкпис попятилась к двери, прекрасно понимая, что это бесполезно. Обежала глазами темную комнату. Слишком много теней. Откуда за ней наблюдают полупрозрачные глаза? Почему? Почему он последовал за ней?

Мейкпис была напугана и чувствовала себя преданной. Он хотел отомстить своим мучителям, но она-то ничем его не обидела! Честно говоря, тогда в «Ангеле» она подумала, что между ними промелькнула искра взаимного сочувствия, совместно разделенной боли и ярости и он вступился, чтобы спасти ее...

«Но это призрак. А призраки хотят одного: пробраться в твою голову. И он к тому же зверь и ничем тебе не обязан! Идиотка! Неужели ты в самом деле подумала, что он твой друг?»

А теперь она заперта в одной с ним комнате. Бежать некуда. Спасти невозможно.

Внезапно в ухе раздался мощный, докрасна раскаленный рык. Оглушительный! Ближе близкого. Слишком близко. Мейкпис запаниковала и, с визгом метнувшись к двери, заколотила в нее кулаками.

– Выпустите меня! – завопила она. – Вы должны меня выпустить! Здесь что-то есть! Здесь призрак!

«О, пожалуйста, пожалуйста, пусть поставят стражника перед дверью! И пусть кто-нибудь во дворе меня услышит!»

Мейкпис подбежала к окну и попыталась протиснуть лицо между прутьями.

– Помогите! – завопила она во всю силу легких. – Помогите!

Холод прутьев обжигал лицо. Они прижимались к правому виску и левой щеке, как раз в тех местах, где были синяки. Ощущение потрясло ее, вернув смутные воспоминания. Однажды она уже пыталась просунуть голову между прутьями. Очевидно, рвалась на свободу, к ясному небу.

Мейкпис слышала, как ее собственный вопль превращается в гортанный бесконечный рев. Теперь ее лицо прижималось к прутьям с калечащей силой, поворачивалось, протискивалось вперед. Перед глазами девочки плавали темные пятна. Руки бесплодно царапали камень, кожа на кончиках пальцев стерлась...

«Прекрати, – велела она себе. – Прекрати. Что же ты делаешь?»

Истина поразила ее, словно падающая звезда.

«О Боже! О Боже небесный! Какая же я дура! Конечно, медведь смог войти в Гризхейз. И конечно, он здесь! Он во мне!»

Ослепленный, отчаявшийся, озлобленный призрак, вселившийся в Мейкпис. Ее худшие страхи оправдались. Теперь медведь будет двигаться в ней ощупью и окончательно повредит рассудок! Искалечит, раздерет в кровь ее тело в лихорадочном стремлении покинуть комнату в башне...

«Прекрати!»

Смертельно напуганная, она снова призвала на помощь так долго дремавшие силы обороны, ангелов ее сознания. Они сплотились и ринулись в бой, и она слышала рев медведя. Сверхчеловеческим усилием воли Мейкпис закрыла глаза, заключив в темноту себя и медведя.

Эта ночь была наполнена безмолвным шумом, и ее сознание ревело в такой же панике, какая обуревала и медведя.

Что-то произошло. Внезапный удар сотряс ее сознание до самой сердцевины. На какое-то мгновение она ощутила, как душа бьется и борется за то, чтобы выровняться, обрести равновесие. Воспоминания истекали кровью, мысли рвались в клочья. Медведь набросился на нее. И все же именно этот удар стал той встряской, что вывела Мейкпис из паники.

«Бойтся. Он боится».

Она представила огромного медведя, затерянного во мраке, без друзей, пойманного в ловушку, и это продолжалось очень долго. Зверь не мог понять, где он, почему здесь оказался, почему его тело стало таким странным, так ослабло. Он сознавал одно: на него нападают, как нападали всегда.

Мейкпис осторожно, но решительно взяла себя в руки и стала управлять дыханием. Спокойно вдыхала и выдыхала, стараясь замедлить сердцебиение, изгнать страх, что медведь разорвет ее изнутри. «Тише», – мысленно прошептала она медведю. И снова представила зверя. Но теперь она стояла рядом с ним, вытянув вперед руки, как в тот момент, когда они пытались защитить друг друга.

«Тише, медведь. Тише. Это я».

Безмолвный рев сменился таким же безмолвным прерывистым рычанием. Возможно, он успел узнать ее. Совсем немного. Возможно, понял, что теперь на него никто не нападает.

«Я твой друг, – сказала она ему, а затем: – Я твоя пещера».

«Пещера».

Медведь не понимал слов, но Мейкпис чувствовала, что он нерешительно принял мысль, взяв ее в лапы, как берут яблоко. Может, он никогда не был диким и с младенчества рос на цепи. Но все же оставался медведем и в глубине души знал, что такое пещера. Пещера – не тюрьма. Пещера – это дом.

Успокоившись, Мейкпис задалась вопросом, как она могла не заметить, что медведь пробрался к ней в голову. Может, постоянная тошнота и странные ощущения – это все оттого, что медведю нужно было место в ее сознании.

Он большой, если можно применить такое слово для описания чего-то призрачного. Теперь Мейкпис чувствовала его бездумную силу. Он, возможно, способен разрушить ее раскусок так же легко, как одной лапой перервать ей горло, если бы они встретились в жизни. Но он стал спокойнее, и она поняла, что его власть над ее телом немного ослабла. Теперь она, по крайней мере, могла глотать, расслабить плечи, шевелить пальцами.

Мейкпис еще какое-то время собиралась с мужеством. И только потом открыла глаза, убедившись перед этим, что стоит спиной к окну. Для медведя решетка могла означать тюрьму, а она не хотела, чтобы он снова взбунтовался. Поэтому опустила глаза на собственные ладони. Позволила медведю их увидеть. Медленно согнула и разогнула пальцы, чтобы он знал: это ее единственные лапы. Позволила ему рассмотреть сорванные ногти, окровавленные кончики пальцев.

«Никаких когтей, медведь. Прости».

Легкое содрогание – похоже, медведь что-то почувствовал. Он нагнул голову Мейкпис и сталлизывать израненные пальцы.

Он животное и ничем ей не обязан. Он призрак, на которого нельзя положиться. Возможно, медведь лечил собственные раны. Но лизал он очень осторожно, словно покалеченного детеныша.

К тому времени, как в комнате появился молодой слуга с розгой, чтобы выпороть Мейкпис за то, что «выла, как язычник, и подняла переполох», девочка приняла решение. Она не предаст медведя...

Лорд Фелмотт говорил, что держать в голове буйствующий призрак опасно, и, возможно, это правда. Но она невзлюбила Овадию. Чувствовала себя под его взглядом, как мышь в царстве сов. Если она проговорится о медведе, лорд каким-то образом вырвет его из нее и уничтожит.

Конечно, рискованно хранить секреты от такого человека. Если он узнает, что Мейкпис что-то скрывает, ужасно разозлится и, верно, исполнит угрозу – выкинет ее на пустоши или отошлет в Бедлам, где она будет сидеть на цепи и каждый день терпеть порку. Но Мейкпис была рада, что никто не пришел на помощь, когда она кричала. Медведю ни разу в жизни не дали шанса на справедливость. Она все, что у него есть. А медведь – все, что есть у нее.

Поэтому она молчала, когда розга несколько раз со свистом обожгла плечи и спину. Боль была сильной, и Мейкпис знала, что останутся рубцы. Но зажмурилась и постаралась успокоить медведя. Если она выйдет из себя и начнет сопротивляться, как, видимо, делала все это время, рано или поздно кто-то может заподозрить, что в ней обосновался призрачный жилец.

– Знаешь ли, мне это совсем не по душе, – ханжески заметил молодой человек, и Мейкпис подумала, что он, возможно, верит в то, что говорит. – Но это ради твоего же блага.

Она заподозрила, что раньше он никогда ни над кем не имел столько власти.

После его ухода глаза у Мейкпис слезились, а спина горела, словно ее прижали к раскаленным прутьям. И эта боль вернула воспоминания, правда не ее собственные.

Гитарные переборы и шум табора пульсировали у нее в костях и пробуждали воспоминания о горящих углях, брошенных под нежные, еще довольно маленькие лапки, чтобы заставить танцевать. Она пошатнулась и попыталась встать на все четыре лапы, но тут же получила болезненный удар по морде.

Это были детские воспоминания медведя о том, как его дрессировали. В Мейкпис снова вспыхнул гнев за несчастного зверя. Она обняла себя руками, потому что это был единственный способ обнять медведя.

В этот момент они вместе что-то поняли – Мейкпис и медведь. Иногда приходится терпеть боль, иначе люди причинят тебе еще большую боль. Иногда приходится выносить все и терпеть побои. Если повезет и если все сочтут тебя укрощенным и дрессированным... возможно, настанет момент, когда ты сумеешь нанести удар.

Глава 6

Мейкпис разбудило слабое позвякивание. В первую секунду она не поняла, где находится, но саднящие раны быстро заставили вспомнить все. Видимо, ей не доверяли настолько, чтобы оставить свечу или светильник, так что свет пробивался только в окно.

Девочка приподнялась и с испугом сообразила, что в окне, на фоне густо-фиолетового вечернего неба, торчит чья-то голова, а в прутья решетки постукивает рука. Звяк-звяк-звяк.

– Эй! – прошептал человек.

Пошатываясь, Мейкпис встала и похромала к окну. Каково же было ее удивление, когда она обнаружила тощего парнишку лет четырнадцати, цеплявшегося за стену. Он с трудом удерживался на узком карнизе, цепляясь одной рукой за решетку. Каштановые волосы, славное, хотя и очень некрасивое, упрямое лицо. Похоже, его не пугала перспектива упасть с четвертого этажа. Его одежда была лучше, чем у Мейкпис, пожалуй, слишком хороша для слуги.

– Кто ты? – резко спросила она.

– Джеймс Уиннерш, – ответил он, словно это все объясняло.

– Чего тебе надо? – прошипела Мейкпис в полной уверенности, что он не должен находиться здесь. Ей доводилось слышать, что люди иногда посещали Бедлам, чтобы поиздеваться над сумасшедшими, и была не в настроении беседовать с зеваками или насмешниками.

– Пришел посмотреть на тебя, – прошептал он. – Иди сюда! Я хочу с тобой поговорить.

Она неохотно направилась к окну. Похоже, медведь не любил слишком приближаться к людям, и она не хотела, чтобы он взбунтовался.

Когда на лицо девочки упал свет, парень за окном не то торжествующе, не то недоверчиво усмехнулся:

– Так это правда! У тебя такой же подбородок, как у меня! Да, – ответил он в ответ на ее изумленный взгляд. – Это наше маленькое наследство. Подпись сэра Питера.

Кровь бросилась в лицо Мейкпис, когда до нее дошло, что он имеет в виду. Значит, она не единственный побочный ребенок сэра Питера!

В душе ей хотелось верить, что родители любили друг друга и, следовательно, ее собственное существование хоть как-то оправдано. Но нет, всего вероятнее, мать была кратковременным увлечением, не более того.

– Я тебе не верю, – прошептала Мейкпис, хотя на самом деле поверила. – Немедленно откажись от своих слов!

Этого она не могла вынести. Слепленная, словно в приступе горячки, она больше всего хотела вырвать прутья решетки и исполосовать ими мальчишку.

– Да у тебя горячий нрав, – заметил он с некоторым удивлением. Мейкпис тоже изумилась – впервые кто-то сказал о ней нечто подобное, да еще с оттенком одобрения. – Ты и вправду похожа на меня. Тише, не разбуди весь дом.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Мейкпис, понизив голос.

– Все слуги только о тебе и говорят, – тут же ответил парень. – Молодой Кроу сказал, что ты спятила, но я ему не поверил.

Мейкпис предположила, что носатый слуга, который ее избил, и есть молодой Кроу.

– На другой стороне башни тоже есть окно. Я вылез в него и добрался сюда по карнизу, – ухмыльнулся парнишка собственной изобретательности.

– А если ты ошибаешься? Если я действительно спятила и сейчас столкну тебя вниз и ты разобьешься?

Мейкпис все еще была безумно зла и чувствовала себя загнанной в угол. Почему люди, не важно, живые или мертвые, вечно чего-то от нее хотят? Почему не могут оставить ее в покое, наедине с медведем?

– Мне ты спятившей не кажешься, – заверил Джеймс с раздражающей уверенностью, – и не думаю, что у тебя хватит сил меня столкнуть. Как тебя зовут?

– Мейкпис.

– Мейкпис? О, я и забыл, что ты пуританка.

– Вовсе нет! – Мейкпис покраснела.

Благочестивые жители Поплара никогда не называли себя пуританами, да и Овадия упоминал о них таким тоном, что она чувствовала: это слово вовсе не комплимент.

– Там, откуда ты пришла, у всех такие имена? – поинтересовался Джеймс. – Я слышал, эти люди зовутся Борись-за-Правое-Дело, Плюнь-в-Глаза-Дьяволу, Прости-за-Грехи, Все-Мы-Жалкие-Грешники и тому подобное.

Мейкпис не ответила. Не совсем понимала, серьезен он или издевается. Кроме того, среди паствы Поплара действительно была одна Прости-за-Грехи, которую обычно сокращали до Про.

– Убирайся, – выдавила она наконец.

– Неудивительно, что тебя заперли, – хмыкнул Джордж. – Они не любят строптивых. Послушай, я найду способ вызволить тебя отсюда. Скоро в Гризхейз вернется сэр Томас, наследник Овадии и старший брат сэра Питера. Он меня любит. Постараюсь замолвить за тебя словечко.

– Почему? – спросила сбитая с толку Мейкпис.

Джеймс уставился на нее с таким же недоумением.

– Потому что ты моя младшая сестра.

После его ухода Мейкпис долго не могла забыть эти слова. Похоже, у нее появился брат. Но что слова Джеймса означали на самом деле? В конце концов, если он сказал правду, значит, лорд Овадия ее дед, но она не видела в глазах старика ни доброты, ни родственных чувств. Даже если в ком-то течет та же кровь, что у тебя, вовсе не обязательно делиться с ним секретами. Однако Джеймс, казалось, был вполне уверен в том, что он и Мейкпис – на одной стороне.

Дни шли за днями, но Джеймс не возвращался. Мейкпис переживала, не была ли с ним чересчур враждебна. Вскоре она была готова отдать все на свете, лишь бы увидеть дружелюбное лицо.

Молодой Кроу оказался не только ее надзирателем, но и судьей. Если она спорила, кричала или угрюмо молчала, это объявлялось признаком ее «меланхолического» помешательства. Наказание было одно: несколько сильных ударов палкой по рукам или голням.

Мейкпис изо всех сил старалась сдерживать готового к ответным ударам медведя, особенно когда в глазах темнело, а его ярость угрожала поглотить обоих. После визитов Молодого Кроу медведь заставлял ее часами метаться по комнате, а иногда и несвязно реветь его голосом. Были и моменты душевной связи, когда он, казалось, понимал ее. А она могла его успокоить. Но иногда казалось, что легче уговорить грозовую тучу, чем медведя. Он не понимал, почему на окне решетка. Почему свободу Мейкпис ограничили. Почему необходимо пользоваться ночным горшком.

После того как медведь швырнул их миску через всю комнату и та разбилась, ноги Мейкпис заковали в кандалы. Отныне каждое утро ее силой удерживали на кровати, чтобы закапать в нос красноватое зелье с запахом свеклы, «охлаждающее оболочки мозга».

Немного позже ее застали плачущей и дали отвар, от которого началась рвота. Все для того, чтобы избавить ее от «черной желчи», вызывавшей «меланхолию».

Медведь был странным и опасным, его присутствие все осложняло. И все же девочка цеплялась за него. У нее появился тайный друг, и благодаря этому она не позволяла отчаянию взять над собой верх. Был кто-то, кого она хотела защитить и кто был готов безмолвно буйствовать, чтобы защитить ее. Засыпая, она сворачивалась клубком, прижимая к себе кого-то

маленького, круглого, похожего на детеныша и в то же время большого и теплого. А он, в свою очередь, заключал ее в свое тепло, чтобы оградить от мира.

Как-то Молодой Кроу велел привязать ее к носилкам и накрыть лицо тряпкой. Мейкпис ощущала толчки, когда ее переносили с одной лестницы на другую. Иногда носилки опасно кренились, и девочка едва не падала. Наконец она очутилась в комнате, где было нестерпимо жарко и плавали густые кухонные запахи дыма, мяса, крови, пряностей и лука.

– Сметите горячие угли – кирпичи и без них достаточно нагреты. Помогите мне: ее голову нужно сунуть в печь, но неглубоко.

Мейкпис сопротивлялась, но ее связали слишком добросовестно. Она чувствовала каждый толчок, пока носилки устанавливали как следует, а потом и обжигающий жар печи, даже сквозь тряпку на лице. Было трудно дышать, горячий, дымный воздух опалил легкие. Кожу жгло и покалывало, и она в панике закричала, боясь, что глаза начнут поджариваться, как яйца.

– Что это ты делаешь, Кроу? – спросил незнакомый голос.

– Сэр Томас!

Судя по тону, Молодого Кроу застали врасплох.

– Мы лечим девчонку Лайтфут от меланхолии. Жар печи заставит ее пропотеть, а вместе с потом выведет все ее беспорядочные фантазии. Это испытанная практика... В книге есть картинка...

– И что ты собираешься делать потом? Подать ее под хреном и горчичным соусом? Вынь девочку из печи, Кроу. Я хочу поговорить с ней, но вряд ли мне удастся сделать это, пока она запекается.

Уже через несколько минут Мейкпис, с красными от дыма и слез глазами, сидела в маленькой комнате наедине с сэром Томасом Фелмоттом, наследником Овадии, – человеком с блестящими карими глазами, пугающей манерой говорить и голосом, которому было тесно в закрытом помещении. Приглядевшись, она заметила седину в длинных, изящно завитых волосах, морщины, избороздившие его печальное лицо, и предположила, что он далеко не молод. Подбородок пересекала знакомая вертикальная ложбинка. Мейкпис запоздало вспомнила, что сэр Томас – брат ее отца.

К ее величайшему облегчению, он не вызывал такого же ледяного страха, как Овадия. Взгляд его был теплым, человечным и немного тоскливым.

– Да, – тихо сказал он, – у тебя действительно глаза моего брата. Но, думаю, куда больше ты унаследовала от Маргарет.

Некоторое время он молча рассматривал Мейкпис, словно ее лицо было магическим кристаллом, в котором посверкивали лица умерших.

– Мейкпис, верно? – спросил он наконец прежним отрывистым тоном. – Имя пуританское, но довольно красивое. Скажи, Мейкпис, ты хорошая, трудолюбивая девочка? Джеймс говорит, ты так же нормальна, как полдень, и не боишься работы. Это правда?

Мейкпис, едва смея надеяться, энергично закивала.

– В таком случае я уверен, что смогу найти тебе место среди слуг, – тепло, задумчиво улыбнулся он. – Что ты умеешь делать?

«Все, что угодно, – едва не выпалила Мейкпис. – Я сделаю все, если спасете меня от Птичьей комнаты и Молодого Кроу. – Но в последний момент она подумала о смертоносных глазах Овадии. – Все, что угодно, лишь бы не прислуживать его милости».

– Я умею готовить, – поспешно сказала она в приливе вдохновения. – Сбивать масло, печь пироги и хлеб, варить супы, ошипывать голубей...

Первая встреча с кухней Гризхейза была неприятной, но если она будет там работать, то сможет избегать Овадию.

– Тогда я что-нибудь устрою, – заявил сэр Томас и направился к двери, но, поколебавшись, остановился. – Я... часто думал о твоей матери после того, как она сбежала из Гриз-

хейза. Маргарет была слишком молода, чтобы остаться одной в этом мире: ей едва исполнилось пятнадцать, и к тому же она ожидала ребенка. – Нахмурившись, он стал вертеть пуговицу жилета. – Она была счастлива в новой жизни?

Мейкпис не знала, что ответить. Воспоминания о матери были слишком болезненными и ранили, как осколки стекла.

– Иногда, – выдавила она наконец.

– Полагаю, – мягко заметил сэр Томас, – это все, о чем каждый из нас может просить...

Глава 7

В тот же день Мейкпис получила чистую одежду и была представлена слугам, глазевшим на нее с неприкрытым любопытством. После темноты и долгого заключения в комнате все казалось очень шумным и ярким. Перед глазами мелькало, и Мейкпис никак не могла запомнить имена.

Другие служанки сначала посматривали на нее подозрительно, а потом засыпали вопросами о ее имени, Лондоне и опасном мире за пределами Гризхейза. Однако никто не спросил о родных, и Мейкпис предположила, что ее происхождение уже стало предметом домашних сплетен.

Казалось, все считали, что Мейкпис должна быть очень рада и благодарна за «спасение» из прежнего дома. Таким же единодушным было мнение, что лишние руки на кухне не помещают.

– Поверьте, кухня – лучшее место для нее, – прямо заявила одна женщина. – Не такая она красавица, чтобы прислуживать господам! Посмотрите на нее: маленькая пятнистая кошка!

– Здесь есть повар-француз, – сообщила Мейкпис другая. – Но ты не обращай на него внимания. Это все только для видимости. Французские повара приходят и уходят, как яблоневый цвет. Главное, постарайся угодить мистрис Гоутли.

Мейкпис сразу принялась за работу. Кухня казалась огромной, как пещера. Потолок был черен от многолетних наслоений сажи. В гигантском очаге могли бы поместиться шесть таких, как Мейкпис. С потолочных балок свисали пучки трав, на полках блестели ряды оловянных тарелок.

С тех пор как медведь стал ее тайным жильцом, обоняние у Мейкпис обострилось. Кухонные запахи обрушились на нее со сводящей с ума силой: пьянящий аромат трав и пряностей, жареного мяса, вина, подливы и дыма. Она ощущала, как ворочается медведь, голодный и ошеломленный запахами.

Мистрис Гоутли по должности была всего лишь помощницей повара, но на деле считалась королевой кухни: высокая женщина с широким подбородком и подагрической ногой, не выносившая дураков. И конечно, Мейкпис казалась просто дурой, неуклюжим недоумком, да еще и не в себе.

Боясь, что ее снова отправят в Птичью комнату, девочка отчаянно старалась доказать, что чего-то стоит. Очень тяжело снова оказаться в тюрьме, а уж тем более если у тебя внутри живет призрачный медведь. Он не любил жару, темноту или шум. Запах крови сводил его с ума, и приходилось постоянно успокаивать зверя.

После невразумительного, поспешного знакомства со сложным устройством кухни, буфетной, маслодельни и подвалов мистрис Гоутли повела Мейкпис во двор – посмотреть на насос, амбар и поленницу.

Гризхейз в солнечном свете выглядел другим. Серые стены с пятнами лишайника местами казались почти золотистыми. Мейкпис подмечала детали, делавшие дом больше похожим на людское жилье и меньше – на замок призраков. С подоконников свисали ковры, которые нужно было выбить, из больших красных труб струился дым.

Дом строился без особого плана: старый обветренный камень сменялся аккуратными серыми брусками, крыши из сланцевого шифера перемежались башнями и похожими на церковные арками.

«Это настоящий дом, – сказала себе Мейкпис. – Люди живут здесь. Я могла бы здесь жить».

Она моргнула, глядя на освещенные солнцем стены, но тут же невольно вздрогнула. Все равно как видеть, что кто-то улыбается губами, но не глазами. Этот дом каким-то образом леденил даже дневной свет.

Здание вместе с конюшней и вымощенным каменными плитами двором окружала каменная стена высотой футов семь. У стены на цепях сидели три громадных мастифа. Стоило Мейкпис подойти поближе, как они мгновенно вскочили, натягивая цепи, и зарычали: очевидно, чувляли незнакомый запах. Девочка поспешно отпрыгнула. Сердце бешено колотилось. К тому же она ощущала страх медведя, подобный алому туману. Бедняга не знал, что делать: кинуться на врага или удрать от ощеренных пастей.

В стену были врезаны массивные ворота, достаточно широкие, чтобы пропустить запряженный четверкой коней экипаж.

Девочка вспомнила угрозу Овадии выбросить ее на пустоши, где она замерзнет или блуждающие призраки сожрут ее мозг.

«Думай о хорошем, – сказала она себе, повторяя слова Молодого Кроу. – Лучше работать здесь, на кухне, чем сидеть в кандалах в Птичьей комнате.

А Птичья комната все же лучше, чем настоящий Бедлам. И даже Бедлам будет лучше, чем смерть от голода и холода или обезумевшие призраки, пожирающие твой мозг».

Она глубоко вдохнула свежий воздух и еще раз оглядела высокие, массивные, залитые солнцем стены.

– Мне повезло, – сказала она себе. – Лучше здесь, чем за оградой.

Гризхейз был странным и пугающим, но это крепость, которая не пропустит мрак. И все же, пытаясь убедить себя в этом, она гадала, почему мать сбежала отсюда. На память приходили слова: «Ты понятия не имеешь, от чего я тебя спасла. Останься я в Гризхейзе...»

Весь день Мейкпис героически пыталась угодить мистрис Гоутли. Но, спеша помочь в приготовлении обеда, все испортила.

Рядом с очагом в деревянном колесе, прикрепленном к стене, бегал маленький песик, вращавший над огнем большой вертел. Вместо хвоста у него был уродливый обрубок, нос потрескался от жары и возраста, а от дыма он постоянно чихал. Однако у мистрис Гоутли вошло в привычку швырять ему под лапы горящие угли, чтобы заставить бегать быстрее. А этого Мейкпис вынести не могла. В ней жили воспоминания медведя о собственном детстве. Ему тоже бросали уголь под лапы, чтобы заставить танцевать. Каждый раз, когда раскаленный осколок отскакивал от колеса, исходя дождем искр, она вспоминала – чувствовала – жгучую боль в лапах.

– Прекратите! – взорвалась наконец Мейкпис. – Оставьте его в покое!

Мистрис Гоутли изумленно уставилась на нее, а Мейкпис и сама поразилась своему взрыву. Но ее ярость была слишком велика. Она и не подумала извиниться. Могла только, дрожа от гнева, загородить собой колесо.

– Что ты сказала?

Помощница повара дала ей увесистую пощечину, сбив Мейкпис на пол. Медведь рвал и метал, щека горела. Как легко было сдаться, ускользнуть в темный угол, позволить медведю упасть в слепое буйство...

Девочка судорожно слотнула, стараясь прояснить разум.

– Он бегал бы быстрее, – хрипло выдавила она, – если бы его лапы не были покрыты ожогами и волдырями! Позвольте мне о нем позаботиться. И тогда он побежит быстрее обычного!

Мистрис Гоутли схватила ее за шиворот и подняла с пола.

– Мне плевать, как воспитала тебя твоя своенравная мать, – прорычала она. – Это *моя* кухня! И орать здесь имею право я одна! Никто другой.

Она отвесила Мейкпис пару быстрых, тяжелых тумачков по голове и плечам, после чего нетерпеливо фыркнула.

– Так и быть! Отныне пес – твоя проблема. Если будет лениться, займешь его место и начнешь вращать вертел. И никаких жалоб на жару!

К облегчению и удивлению Мейкпис, старая кухарка, похоже, не спешила донести на нее или потребовать, чтобы ее снова заковали в кандалы. Так или иначе, но с этого дня они вели себя друг с другом более непринужденно, хотя и в сдержанной, угрюмой манере. Находили острые грани характеров друг друга, как зазубренные камни под спокойной гладью воды.

Когда они наконец уселись за обед перед большим очагом, мрачное молчание казалось почти дружелюбным. Кухарка жевала кусок жесткого темного хлеба, который Мейкпис ела всю жизнь. Однако, к изумлению девочки, мистрис Гоутли протянула ей ломоть белого хлеба с золотистой корочкой, какой ели только богатые.

– Нечего на него глазеть, – коротко бросила кухарка. – Ешь. Приказ лорда Фелмотта.

Мейкпис нерешительно откусила, дивясь сладости и легкости, с которой хлеб поддавался зубам.

– Будь благодарна и не задавай вопросов.

Мейкпис молча жевала, поражаясь странной доброте заледеневшего Овадии. Но вопросы все равно посыпались.

– Вы сказали, что моя мать была своенравной, – промямлила она с полным ртом. – Вы ее знали?

– Немного, – призналась мистрис Гоутли, – хотя она в основном работала наверху.

– Правда, что она сбежала? Или ее выкинули, потому что забеременела? – Мейкпис знала, что подобные вещи иногда случаются.

– Нет! – коротко ответила мистрис Гоутли. – *Ее* они бы не выгнали. Она сбежала ночью, по собственной воле, никому ни слова не сказав.

– Почему?

– Откуда мне знать? Она была скрытным созданием. Неужели никогда и тебе не рассказывала?

– Она ничего мне не рассказывала, – ровно ответила Мейкпис. – До ее смерти я не знала даже, кто мой отец.

– И... теперь ты знаешь? – спросила старая кухарка, искоса, но внимательно глядя на нее.

Мейкпис, поколебавшись, кивнула.

– Что же, рано или поздно ты все равно обнаружила бы правду, – медленно кивнула кухарка. – Здесь все знают. Это так же очевидно, как твой подбородок. Но... я бы на твоём месте не слишком болтала об этом. Господа могут счесть тебя слишком дерзкой и претендующей на что-то. Будь благодарна за то, что имеешь, тогда не навлечешь на себя беду и заживешь спокойно.

– Но вы хотя бы можете рассказать, каким он был? – не унималась Мейкпис.

Старая кухарка вздохнула и потерла ногу. Вид у нее был задумчивый и почти нежный.

– Ах, бедный сэр Питер! Ты видела Джеймса Уиннерша? Он очень похож на сэра Питера! Джеймс – дерзкий плут, но сердце у него доброе. Он совершает ошибки, но совершает их искренне.

Мейкпис начала понимать, почему сэр Томас по-своему любит Джеймса. Очевидно, парень напоминал ему умершего брата.

– Что случилось с сэром Питером? – допытывалась она.

– Пытался перескочить через слишком высокую ограду на слишком уставшей лошади, – вздохнула кухарка. – Лошадь упала и придавила его. Он был так молод... едва отпраздновал двадцатый день рождения.

– Почему его лошадь так устала? – невольно вырвалось у Мейкпис.

– Теперь его не спросишь, так ведь? – резко бросила мистрис Гоутли. – Но некоторые говорят, что он извел себя, пытаясь разыскать твою матушку. Видишь ли, это случилось через два месяца после ее исчезновения. – Посмотрев на Мейкпис, она слегка нахмурилась. – Ты была ошибкой, девочка, – добавила она просто. – Но ошибкой искренней.

Вечером Мейкпис узнала, что, как самая молодая и стоящая на низшей ступеньке кухонной иерархии, не станет делить постель с другими служанками. Отныне ей предстоит каждую ночь спать на соломенном тюфяке под огромным кухонным столом и следить, чтобы огонь не погас. Одну ее не оставят. Пес, вращающий вертел, и два огромных мастифа тоже станут ночевать у огня.

Медведю не нравилось общество собак. Но он, по крайней мере, привык к запаху. У собак громкий лай и острые зубы, но от них никуда не денешься. Собачий запах на рынках, собачий запах по ночам у таборных костров.

Среди ночи Мейкпис разбудило длинное, раскатистое рычание у самой головы. Один огромный пес проснулся. Девочка было испугалось, что он унюхал ее и решил, что она вторглась в чужие владения. Но тут же услышала едва слышное шарканье шагов, слишком легкое и осторожное, чтобы принадлежать старой кухарке. Сюда шел чужой.

– Выходи, – пробормотал голос Джеймса. – Ниро не укусит, пока я ему не прикажу. – Он широко улыбнулся, видя, как неуклюже Мейкпис вылезает из-за стола. – Говорил же, что вытащу тебя оттуда.

– Спасибо, – нерешительно выговорила Мейкпис, не спеша приближаться к нему. Она начинала понимать, на каком расстоянии медведь предпочитал держаться от людей, к которым не привык. Даже сейчас девочка чувствовала его беспокойство. Желание подняться во весь рост и угрожающе фыркнуть, чтобы отпугнуть чужака. Но она уже стояла, полностью выпрямившись, а на большее у нее не хватало роста.

– Ты правильно выбрала работу на кухне, – заявил Джеймс, усевшись на столе и скрестив ноги. – Идеальное место. Теперь мы можем помогать друг другу. Я стану приглядывать за тобой и учить, как все здесь устроено. А ты можешь сообщать мне все, что подслушала. Таскать еду с кухни, когда никто не видит.

– Хочешь, чтобы я воровала для тебя? – Мейкпис свирепо уставилась на него, гадая, уж не поэтому ли он и помог ей. – Если что-то пропадет, сразу подумают на меня! И тогда меня вышвырнут из Гризхейза!

Джеймс долго смотрел на нее, прежде чем очень медленно покачать головой:

– Нет. Не вышвырнут.

– Но...

– Я не шучу. Тебя могут наказать. Избить. Может быть, даже снова запереть в Птичьей комнате и заковать в кандалы. Но не вышвырнут. Даже если будешь умолять.

– О чем это ты?

– Вот уже пять лет я пытаюсь сбежать, – пояснил Джеймс. – Снова и снова. А они пускают по моему следу погоню и привозят обратно. Каждый раз.

Мейкпис уставилась на него. Разве у богатых в обычае гоняться за сбежавшими слугами? Она слышала о наградах за поимку беглых подмастерий. Но полагала, что тут иной случай.

– У тебя случаются кошмары, верно? – вдруг спросил Джеймс, ошеломив Мейкпис. – Сны такие жуткие, что ты просыпаешься с воплем? Призраки, когтями раздирающие голову, чтобы пробраться внутрь...

Мейкпис попятилась, наблюдая за ним с бурлящей смесью недоверия и нерешительности.

– У меня тоже были такие сны, – продолжал Джеймс. – Начались пять лет назад, когда мне исполнилось девять. Вскоре после этого Фелмотты прислали за мной. Сначала мать возражала. Но они ей заплатили, и она перестала спорить. – Он горько усмехнулся. – Фелмотты

не обращают внимания на таких, как мы, бастардов, пока нас не начинали мучить кошмары. Тогда они вспоминают о нас. Собирают, как урожай, и привозят сюда. Они слышали о твоих снах и тоже доставили тебя сюда. Верно?

– Но зачем? – спросила заинтригованная Мейкпис. Джеймс сказал правду. Овадию больше всего, казалось, интересовали ее кошмары, чем все остальное. – К чему им наши сны?

– Понятия не имею, – признался Джеймс. – Но мы не единственные. Иногда к нам приезжают родственники лорда Фелмотта, и у всех имеются слуги с семейными чертами семейства. Думаю, все Фелмотты забирают своих бастардов, когда оказывается, что они страдают кошмарами. Забирают и больше не отпускают. Я удостоверился в этом, когда пытался сбежать домой. Но теперь и не подумаю сделать это. Мать просто продаст меня Фелмоттам еще раз.

Джеймс поморщился, явно пристыженный.

– По ночам, – продолжал он, – входные двери накрепко запирают на огромный засов и цепи, а под дверями спит младший лакей. Ворота тоже заперты, дворовых псов спускают с цепи. Поэтому я каждый раз удирал днем. Но за оградой на три мили тянутся голые поля, и я выделялся, как кровь на снегу.

Во второй раз я успел убежать дальше, прямо на вересковые пустоши, ужасно унылые – мили вереска и лесов. Там такие холодные ветра, что у меня даже пальцы почернели. Полузамерзший, я ввалился в деревню, но ничего хорошего из этого не вышло. Стоило фермерам рассмотреть это, – он показал на подбородок, – как они взяли меня за шиворот и привели сюда. Знали, кто я такой и кто будет меня искать. И все выглядели очень испуганными.

В прошлом году я решил, что мне все удалось. Пятьдесят миль через три реки до самого Брейбриджа, в соседнем графстве. – Джеймс снова покачал головой и скорчил гримасу. – За мной послали Белого Кроу. Ты его видела. Это он привез тебя сюда. Семейка использует его для важных дел, которые нужно проверить без лишнего шума. Он их тень, правая рука. И все из кожи вон лезли, чтобы помочь ему поймать меня. Даже люди могущественные. Фелмотты не просто знатная семья. Все их боятся.

Мейкпис прикусила щеку, но ничего не ответила. Возможно, он хвастает, как подмастерья в Попларе, которые были не прочь расписать свои приключения, но все-таки его слова породили в мозгу крошечные искорки сомнений.

– Но разве ты не видишь, что можешь помочь? – воскликнул Джеймс. – Со мной они осторожны, но тебя не заподозрят. Можешь стать моим наблюдателем. Или откладывать все, что понадобится для нашего побега: припасы, пиво, свечи...

– Я не могу бежать! – воскликнула Мейкпис. – Мне просто некуда идти. Если я лишусь этого дома, то умру от голода или замерзну на улице еще до Духова дня!

– Я сумею тебя защитить, – настаивал Джеймс.

– Как?! Страна вот-вот погибнет, все так говорят, и я сама это видела! Ты не можешь защитить меня от обезумевших толп или от пуль. Или от призраков, которые хотят пожрать мой мозг. Здесь у меня есть крыша над головой и еда, а это куда больше того, что я получу на пустошах! Сегодня я даже ела белый хлеб!

– Да, кровь нашего отца – залог некоторых благ, – кивнул Джеймс. – Меня тоже кормят лучше, чем остальных слуг. Иногда в свободные минуты мне даже дают уроки. Чтение. Языки. Верховая езда. Может, и тебя начнут учить. Остальные слуги и бровью не ведут. Они знают, чей я бастард, хотя не говорят об этом вслух.

– В таком случае почему ты пытаешься сбежать?

– Ты видела старого Овадию? – резко спросил Джеймс.

– Да-а-а, – протянула Мейкпис, не в силах сдержать дрожь в голосе. – Он...

Последовала долгая пауза.

– Ты тоже это видишь, верно? – прошептал Джеймс с явным облегчением, хотя выглядел при этом ошеломленным.

Мейкпис боялась смотреть ему в лицо, неожиданно испугавшись, уж не подстроено ли все это Овадией. Если сейчас она скажет что-то неуважительное, возможно, Джеймс донесет обо всем, и тогда ее вышвырнут из дома или снова закуют в кандалы и запрут в Птичьей комнате.

Людям нельзя доверять. Собаки рычат, прежде чем укусить, но люди зачастую улыбаются.

У Джеймса загорелое лицо и широко расставленные глаза. Однако прежде всего Мейкпис заметила его пальцы со сбитыми костяшками. Руки человека бесшабашного, драчуна и задиры, но также и руки честного трудяги. Мейкпис позволила себе зернышко доверия.

– Не знаю, что это означает, – прошептала она. – Но есть что-то...

– ... в нем странное, – закончил Джеймс.

– Это чувствуется... когда я смотрю ему в глаза... Очень похоже на мертвецов в моих кошмарах...

– Знаю.

– Но он живой!

– Да. И все же от его взгляда мороз идет по коже. Никто не видит этого, кроме нас, а если и видят, то никогда об этом не говорят. И... – Джеймс подался вперед и прошептал ей на ухо: – Старшие Фелмотты все такие.

– Только не сэр Томас!

Мейкпис вспомнила ясные карие глаза наследника.

– Пока что нет, – серьезно ответил Джеймс. – Они не становятся такими до тех пор, пока не унаследуют все земли и титулы. И тогда что-то происходит. Они меняются. Словно за одну ночь их кровь леденеет. Все люди знают, что в них есть что-то *иное*. Слуги называют их «Старшие и Лучшие». Они слишком проворные. Слишком умные. Знают слишком много из того, что знать не следует. И им невозможно солгать. Видят тебя насквозь. Поэтому мы должны уйти! Этот дом – гнездо дьявола! Мы не слуги! Мы узники! И они даже не объясняют нам, в чем дело!

Мейкпис, терзаемая нерешительностью, прикусила губу. Все ее инстинкты подсказывали, что с Овадией в самом деле что-то неладно. Мать сбежала из Гризхейза и сделала все возможное, чтобы Фелмотты не смогли ее найти. И нужно подумать о медведе, которого они могут вырвать из нее и уничтожить, если Овадия прознает о его существовании.

Но все это лишь неопределенные ужасы. Страх снова быть закованной и избитой, оказаться на улице, стать голодающей бродяжкой, сведенной с ума призраками, был таким ощутимым, что она могла прикоснуться к нему. Одолевала также мучительная мысль о том, что, возможно, безумный, почти разорванный в клочья призрак матери бродит где-то там, за защитными стенами Гризхейзха, и ищет Мейкпис. Сама эта мысль подогревалась надеждой и страхом, и сознание всячески от нее уклонялось.

– Прости, – тихо сказала Мейкпис. – Я не могу бежать с тобой. Мне нужен дом. Даже такой, как этот.

– Я не виню тебя за недоверие, – довольно мягко ответил Джеймс. – Но даю голову на отсечение, что этого дома следует бояться гораздо больше, чем любого другого места. Надеюсь, ты передумаешь. И передумаешь достаточно быстро, чтобы уйти со мной.

Мейкпис не привыкла к доброте и опасалась ее принять. С самой смерти матери в ее мире зияла огромная болезненная дыра, и она отчаянно нуждалась в том, кто сумел бы ее заполнить. На какую-то секунду Мейкпис почти решилась рассказать Джеймсу о медведе. Но тут же прикусила язык, и момент миновал. Тайна была слишком велика для того, кого она почти не знала. Джеймс мог предать ее. Мог не понять. Мог испугаться или решить, что она все-таки безумна. Дружба с ним, новорожденная и такая хрупкая, была просто необходима Мейкпис!

Глава 8

Неделя проходила за неделей, и Мейкпис сумела завоевать невольное одобрение помощницы повара. Оказалось, что она не только прекрасно работает, но и быстро учится. И поскольку, как уже было сказано, находилась на низшей ступени кухонной иерархии, то по утрам всегда вставала первая, успевала наносить воды, собрать золу, накормить цыплят и притащить растопку. Труд был тяжелым, а жар и дым по-прежнему тревожили медведя, но Мейкпис постигла секреты вращавшего вертел колеса, гудевшей, как улей, печи, брызгавших водой кастрюль и подъемника для котла в дымоходе. Она больше не паниковала, когда слышала приказ бежать к ящику с солью, принести сахарную голову или наведаться в мясную кладовку.

Миссис Гоутли иногда видела, как Мейкпис бросает объедки собакам, которые спали на кухне, или позволяет им слизывать с рук подливу.

– Ненормальная дурочка, – пробормотала она, качая головой. – Они сожрут тебя с костями, если им позволишь.

Но подлива уже начала наводить медленные, вкусные чары на собак. Теперь ни одна не рычала на нее по ночам. Мало того, иногда девочка спала в обнимку с ними. Их дыхание и тепло успокаивали ее бессонное сознание. Уродливый маленький песик, вращавший вертел, нежился у нее на руках.

Как и надеялась Мейкпис, дружелюбие собак несколько умерило настороженность медведя. В его голове все животные, будь то люди или звери, делились на «безопасных» и «возможно опасных». Знакомым, безопасным животным позволялось подобраться ближе. Незнакомых, подозрительных созданий нужно отпугивать кашлем и угрозами.

«Какой же ты напуганный детеныш», – думала Мейкпис.

Куда больше неприятностей доставляли ей уроки письма. Раз в неделю, поздно вечером, после целого дня работы, Молодой Кроу, ставший тюремщиком на все время жизни Мейкпис в Птичьей комнате, обучал ее и Джеймса. Судя по самодовольной ухмылке, он считал, что его «лечение» помогло исцелить ее так называемое безумие.

Теперь Мейкпис знала, что Фелмоттам служит целая семья Кроу. Другие слуги в своей прямой, практичной манере дали им прозвища, чтобы как-то различать. Отец Молодого Кроу, управитель Гризхейза, был Старым Кроу. Как уже говорил Джеймс, седой мужчина, который привез ее сюда, был Белым Кроу.

Мейкпис пока что научилась писать только букву «М» как свою «метку». Она видела, как люди читают, как их взгляд плавает по строчкам, словно листок, уносимый течением. Но когда смотрела на буквы, то они смотрели на нее, похожие на следы насекомых – кружки и широко расставленные ножки. Ее непривычная рука не могла придать им форму, отчего Мейкпис чувствовала себя глупой. К тому же обычно к концу дня она слишком уставала, чтобы думать связно.

Молодой Кроу был снисходителен и философски относился к неудачам Мейкпис.

– Знаешь, как выглядит новорожденный медведь, который только вышел из чрева матери? – спрашивал он. – Всего лишь бесформенная масса. Матери приходится облизывать его несколько часов, чтобы придать детенышу форму, пока не определятся морда, уши, маленькие лапки – все, что понадобится ему на оставшуюся жизнь.

Мейкпис невольно улыбнулась. Интересно, мать ее медведя тоже придавала ему форму в счастливые времена, пока он не столкнулся с жестокостью? Ей понравилась мысль о том, как малыш обретает глаза и удивленно мигает при виде большого материнского языка.

Молодой Кроу заметил улыбку и выудил откуда-то бестиарии, сборники сказок и историй о животных, чтобы Мейкпис могла прочитать и скопировать слова. Дело пошло быстрее. Мейкпис очень нравилось писать о животных.

«Жаба и паук – смертельные враги и станут драться друг с другом до полного уничтожения, – усвоила она. – Пеликан кормит птенцов кровью своего сердца. Передние лапы барсука длиннее задних, так что по склону он бежит быстрее».

Постепенно Мейкпис лучше изучила повадки медведя. Он не всегда бодрствовал в ее сознании. Большую часть времени спал и словно вообще отсутствовал. Чаще всего он просыпался и метался, не находя себе места, в серые часы раннего утра и сумерек, но предсказать его поведение было невозможно. Иногда он появлялся неожиданно, и его эмоции хмельным потоком вливались в эмоции Мейкпис. Жил он вроде бы в настоящем. Но носил с собой воспоминания, как застарелые шрамы. Время от времени он наткался на одно из них и, ошеломленный, летел в бездну боли.

Он был любопытным и терпеливым, но его страх мгновенно вспыхивал, превращаясь в ярость. Мейкпис жила, опасаясь этой вспышки. Пока что они оба были в безопасности, но существовала постоянная угроза, что Фелмотты сочтут Мейкпис безумной или, хуже того, поймут, что в ней обитает призрак.

Она привыкала к жизни в Гризхейзе и все же никак не могла успокоиться окончательно. Даже маленькие знаки предпочтения: уроки, лишняя ложка похлебки за обедом – лишали ее равновесия. Напоминали о гусях и лебедях, которых она помогала откармливать для стола, и заставляли гадать, уж не припасен ли и для нее спрятанный до времени нож.

В начале осени в доме поднялась суматоха: в Гризхейз вернулись двое долго отсутствовавших членов семейства Фелмоттов. Первый – сэр Мармадюк, обладавший большими связями троюродный брат лорда Фелмотта, владелец огромного поместья на валлийских болотах, второй – Саймонд, старший сын и наследник лорда Томаса.

Покойная мать Саймонда исполнила свой долг и, прежде чем умереть от лихорадки, родила восьмерых детей, услужив мужу. Четверо из них выжили. Две взрослые дочери были удачно выданы замуж. Их девятилетнюю сестру препоручили заботам кузена, который обещал выдать ее за сына баронета. Саймонд был единственным выжившим сыном.

Саймонд и сэр Мармадюк приехали прямо из лондонского королевского двора, так что всему дому не терпелось услышать последние столичные новости. В обмен на несколько кружек пива кучер был рад удовлетворить любопытство публики.

– Граф Страффорд мертв, – сообщил он. – Парламент арестовал его за государственную измену. Теперь его голова насажена на пику и выставлена на Воротах изменников.

Среди собравшихся раздались испуганные возгласы.

– Бедный граф, – пробормотала мистрис Гоутли. – И это после всего, что он сделал, сражаясь за короля. Что за игры ведет парламент?

– Они хотят больше власти для себя, вот и все, – пояснил Молодой Кроу. – Лишают короля друзей и союзников одного за другим. Не все члены парламента прогнили до основания. Но там обосновался маленький ядовитый рой пуритан, который и сеет смуту. Они и есть настоящие изменники, и к тому же больны бешенством и совершенно безумны.

– Все пуритане безумны, – пробормотала рыжая прачка по прозвищу Длинная Элис. – О, я не хотела обидеть тебя, Мейкпис, но это правда.

Мейкпис давно перестала объяснять всем, что она не пуританка. Ее странное благочестивое имя отдаляло девочку от остальных слуг. В какой-то степени она радовалась своей отчужденности. Было опасно слишком близко сходитьсь с кем-то.

Кроме того, Мейкпис не знала, кто прав и с кем соглашаться. Она слушала жителей Гризхейза, обсуждавших новости, и мозг, казалось, выворачивало наизнанку. В Попларе всем было известно, что короля сбивали с толку порочные советчики и католики-заговорщики и что парламент полон храбрых, честных, проникательных людей, которые хотели всем добра. Все было так очевидно! Так диктовал здравый смысл! Прямо сейчас жители Поплара, возможно, празднуют казнь порочного графа. Слава Господу, лорд, Черный Том-тиран, мертв!

Но здесь, в Гризхейзе, всем было точно так же очевидно, что рвущийся к власти парламент, доведенный до неистовства безумными пуританами, пытается украсть эту власть у законного короля. Ни та ни другая стороны не казались глупыми и обе были равно уверены в своей правоте.

«Была ли я воспитана пуританами? Тогда я верила в то, во что верили они. Неужели все мы больны бешенством? Или тогда я была здорова, а сейчас безумна?»

– Но такие новости господу могли послать письмом, – заметила мистрис Гоутли. – Почему они так внезапно приехали сами?

– Привезли домой кое-что, – объяснил кучер с таинственным видом. – Я видел это всего секунду, оно похоже на пергамент с восковой печатью размером с ладонь. – Он понизил голос до шепота, несмотря на то, что вокруг сгрудился десяток любопытных ушей. – Могу предположить, что это королевская печать.

– Это королевская грамота, – сказал Джеймс Мейкпис в конце того же дня, когда выдалась возможность поговорить с глазу на глаз. – Мне все поведал мастер Саймонд.

– Разве ты и мастер Саймонд друзья? – поразила Мейкпис.

Она успела увидеть Саймонда, когда тот спешил во дворе и бросил слуге поводья красивой серой кобылы. Лет девятнадцати на вид и роскошно одет в кружева и бархат небесного цвета. Очень привлекательный, с льдисто-светлыми волосами, всем своим видом олицетворявший элегантность истинного придворного, он казался редкой дорогой птицей, словно ледяные лебеди, которых мистрис Гоутли иногда делала для важных гостей. И совсем не походил на сэра Томаса, если не считать маленькой ямочки на подбородке. По правде сказать, Мейкпис очень впечатлило, что Джеймс находился на короткой ноге с таким экзотическим созданием.

Джеймс раздулся от тщеславия и уже хотел было сказать «да», но честность возобладала.

– Иногда, – нехотя выдал он наконец. – Я был его компаньоном, когда он здесь рос, и время от времени мы бывали друзьями. Он подарил мне эту одежду и дорогие туфли, когда-то принадлежавшие ему. А еще он оставил мне на память это.

Джеймс откинул волосы, и Мейкпис увидела белый шрам, тянувшийся через левый висок у самых волос.

– Однажды мы охотились вместе верхом на красивых кобылах. Перепрыгнули через живую изгородь, и у меня получилось лучше, чем у него. Я это знал, и он знал это. И помрачнел, как грозовая туча. Я видел, как он смотрит на меня. И когда мы приблизились к следующей изгороди, подальше от посторонних взглядов, он перегнулся в мою сторону и ударил меня кнутом по лицу. Я пошатнулся, моя кобыла в изумлении остановилась, и я перелетел через ее голову прямо на изгородь.

Джеймс рассмеялся, похоже находя случившееся куда более забавным, чем Мейкпис.

– Но ты мог сломать шею! – воскликнула она.

– Я крепче, чем кажусь, – ответил Джеймс спокойно. – Но тогда получил урок. Пусть он кажется сотканным из молока и меда, но под ангельской внешностью скрываются гордость лорда и горячий нрав. Потом он признался, что я не оставил ему выбора. Что ему *необходимо* быть лучшим. Полагаю, в его устах это вполне может сойти за извинение.

Мейкпис так не считала. По ее мнению, это вовсе не было извинением.

– Он уехал в Оксфордский университет, и с тех пор сэр Мармадюк успел представить его ко двору. Каждый раз, когда он возвращается, сначала ведет себя надменно и горделиво и вроде бы совсем меня не узнает. Но как только мы потолкуем с глазу на глаз, все становится прежним... на некоторое время.

Мейкпис ощутила укол ревности при мысли о том, что Джеймс доверительно беседует с кем-то другим. Но у нее не было никаких прав ревновать, и она это знала. Джеймс стал ее ближайшим другом и доверенным лицом на этом свете. Она доверяла ему больше, чем любому

человеку, и все же до сих пор не рассказала о медведе. Чем больше времени проходило, тем сложнее было признаться Джеймсу, что она скрыла от него такую важную тайну. Спустя три месяца такое признание уже казалось невозможным. Мейкпис терзалась угрызениями совести, иногда немного грустила, словно опоздала на корабль и теперь навечно обречена застрять на пустынном берегу.

– Так мастер Саймонд сказал, что в этой грамоте? – спросила она.

– Он ее не читал и не знает, что в ней. Клянется, что это страшная тайна. Еще добавил, что королю она совсем не понравилась и сэру Мармадюку пришлось немало потрудиться, чтобы он ее подписал. В конце концов его величество согласился, но только потому, что Фелмотты ссудили ему целое состояние, а сэр Мармадюк помогает продать кое-какие драгоценности короны.

Мейкпис нахмурилась. Рассказ Джеймса пробудил смутные зловещие воспоминания о первом дне в Гризхейзе.

– Королю так отчаянно нужны деньги?

По крайней мере, так говорил лорд Фелмотт.

– Полагаю, да, – пожал плечами Джеймс.

– А для чего нужны королевские грамоты? – спросила Мейкпис.

– Это... королевские декларации, – несколько неуверенно пояснил Джеймс. – Дают позволение что-то сделать. Ну... например, выстроить укрепления вокруг твоего дома. Или... продавать перец. Или нападать на вражеские суда.

– Так какой смысл в секретной декларации? – удивилась Мейкпис. – Если король дал разрешение что-то сделать, почему нельзя, чтобы все это знали?

– Хм-м-м... Это странно, – задумчиво нахмурился Джеймс. – Но грамота определенно дает Фелмоттам позволение что-то сделать. Мастер Саймонд признался, что подслушал, как сэр Мармадюк говорил что-то насчет «наших древних обычаев и установленных наследием порядков».

– Джеймс, – медленно выговорила Мейкпис, – в тот вечер, когда я впервые оказалась в этом доме, я подслушала, как разговаривали его милость и Белый Кроу. Белый Кроу сообщил, что некоторые придворные обвиняют Фелмоттов в колдовстве.

– В колдовстве?! – ахнул Джеймс. – Почему ты мне не сказала?

– В тот день я почти обезумела от лихорадки! Все равно что кошмар вспоминать. С тех пор я почти об этом не думала.

– Но ты уверена, что речь шла о колдовстве?

– Думаю, да. Лорд Фелмотт сказал, что не может помешать королю узнать о слухах, но главное – не дать ими воспользоваться. Им нужно чем-то его привлечь, чтобы приобрести над ним власть. Потом они заговорили о необходимости что-то придумать.

Джеймс яростно насунился, глядя в пространство.

– Итак... что, если «древние обычаи» Фелмоттов есть зло и порок? – протянул он. – Нечто такое, за что их можно обвинить в колдовстве? Если король подписал грамоту, разрешающую дьявольские деяния, значит, не сможет арестовать их как колдунов, верно? Потому что в противном случае они покажут всем эту грамоту. И его тоже обвинят.

– Если падут Фелмотты, падет и он, – закончила Мейкпис его мысль. – Это шантаж.

– Говорил же тебе, что с Фелмоттами что-то неладно! – воскликнул Джеймс. – Их «древние обычаи»... должно быть, имеют какое-то отношение к тому, что с ними случается, когда они наследуют титул и земли. Они меняются, попомни мои слова! Может, продают души дьяволу!

– Мы не знаем... – начала Мейкпис.

– Мы знаем, что они колдуны или близко к тому, – парировал Джеймс. – Почему бы тебе не убежать со мной? Как можно заставить тебя передумать?

Ответ был получен на следующий день.

Глава 9

Утро выдалось душным, но ясным, поэтому слуг, вооруженных ведрами и лестницами, послали собирать спелые яблоки в маленьком, окруженном оградой фруктовым саду Гризхейза. Деревья с пышными кронами были усыпаны плодами так, что сгибались ветки, а в воздухе разливался сладкий аромат.

Мейкпис тоже была среди слуг, поскольку мистрис Гоутли попросила нарвать ей айвы. Она была занята делом, когда с другого конца сада раздался громкий грохот и послышались вопли и тревожные крики. Девочка бросилась на шум. Оказалось, что конюх Джейкоб свалился с самого высокого дерева. Ошеломленная Мейкпис, глядя ему в лицо, подумала, что он всегда был шутником – даже сейчас губы кривились в подобии ухмылки. Однако шея была согнута под неестественным углом, напомнившим ей цыплячьи тушки на кухонном столе.

Кто-то побежал в дом рассказать сэру Томасу о несчастье. Вскоре он появился и распорядился принести носилки, после чего всем было велено покинуть сад.

На один кратчайший миг Мейкпис показалось, что она увидела слабое мерцание над телом Джейкоба. Воздух словно заколебался и зашуршал. Она невольно ахнула и отступила. Что-то коснулось ее сознания, которое мгновенно затопила беспорядочная путаница воспоминаний, ей не принадлежавших.

... Страх, боль, двое смеющихся детей, отпечаток травы на женской щеке, цыпки от мороза и горячий сидр, яблоки в солнечных пятнах, скользкий лишайник под руками...

Мейкпис повернулась и с громко стучащим сердцем бросилась вон из сада. Задышавшись, она вернулась на кухню и только тогда поняла, что забыла захватить корзину с айвой, которую ждали к ужину.

– Значит, беги обратно и принеси ее! – завопила мистрис Гоутли. – Быстро!

Мейкпис, которую тошнило от нервного напряжения, поспешила назад. Однако у ворот сада она встретила Джеймса, который ее остановил.

– Не входи, – прошептал он.

– Но мне нужна только...

Джеймс настойчиво покачал головой, прижал палец к губам, подтащил ее к себе и стал подсматривать в арочные ворота. Лицо его словно осунулось, и Мейкпис поняла, что впервые видит его в такой тревоге.

В саду не было никого, кроме одинокого мужчины, бродившего среди деревьев. Он был необычайно высокий и мощный. И все же двигался с неприятно кошачьей грацией.

– Сэр Мармадюк, – прошептал Джеймс.

Три остроглазые гончие, дрожа от возбуждения, крутились у ног сэра Мармадюка. Еще одна ищейка нюхала землю.

– Что он делает? – одними губами спросила Мейкпис.

Джеймс наклонился поближе к ее уху.

– Охотится, – прошептал он в ответ.

Ищейка замерла и издала низкий зловеющий лай. Похоже, она пристально уставилась на пустой островок травы.

Сэр Мармадюк поднял голову. Даже с такого расстояния Мейкпис могла разглядеть, что хотя его лицо было лишено всякого выражения, было в нем что-то, отчего внутренности девочки скрутились тугим узлом. Это было то самое ощущение зла и ужаса, одолевшее ее при встрече с лордом Фелмоттом. Сэр Мармадюк склонил голову набок, словно прислушиваясь. На губах играла очень легкая хищная улыбка. Несколько минут он оставался неестественно неподвижен.

Что-то едва заметно шевельнулось. Стебель крапивы дрогнул, подбросив в воздух сонную пчелу. Мейкпис показалось, что она видит среди пляшущих теней тонкую, изогнутую струйку дыма.

Джейкоб.

В этот момент сэр Мармадюк начал действовать.

Джеймс говорил о Старших, что они очень проворные, и Мейкпис наконец поняла, что он имел в виду. Секунду назад сэр Мармадюк стоял, подобно статуе, и вот он уже с невероятной скоростью мчится по траве. Обычно люди, перед тем как броситься бежать, чуть напрягаются, но только не сэр Мармадюк. Собаки пустились вскачь за хозяином и, словно волки, обошли по бокам невидимую добычу.

Одиноким призраком удирал, отчаянно виляя между деревьями. Когда он оказался почти у самых арочных ворот, Мейкпис лучше его разглядела. Паническая, истекающая кровью тень. Он был ранен, запуган, не знал, куда бежать. До нее доносилось тонкое, едва слышное прерывистое завывание.

Призрак сделал зигзаг, увернувшись от лязгающих собачьих челюстей. Травля продолжалась. Призрак никак не мог обогнать сэра Мармадюка, и все же Старший всегда сбавлял скорость, когда был в шаге от призрака.

«Он играет с Джейкобом, – в ужасе сообразила Мейкпис. – Преследует, чтобы он выгорел».

Теперь призрак спотыкался и оплывал, как серое, почти погасшее пламя. Наконец он исчез в пятнистой от солнца тени ближайшего дерева, и сэр Мармадюк набросился на него. Хищно согнутые пальцы сомкнулись на чем-то, скрытом травой.

Он стоял спиной к Мейкпис, но она заметила, как он нагнул голову и поднял то, что сжимал, к лицу.

Раздался резкий звук чего-то рвущегося. Что-то вскрикнуло: слабый, невыносимый, но все же, как это ни невероятно, похожий на человеческий вопль.

Мейкпис невольно ахнула, а Джеймс закрыл ей рот ладонью, чтобы она не выдала их обоих.

– Мы ничего не можем сделать, – прошепел он ей на ухо.

И снова послышался треск раздираемого на части призрачного тела. Больше Мейкпис вынести не могла. Вырвавшись из рук Джеймса, она помчалась в дом. Джеймс догнал ее у кухонной двери и крепко обнял, пытаясь успокоить дрожь.

– Это был Джейкоб! – прошептала Мейкпис.

Шутник Джейкоб, который всегда смеялся, потому что был среди друзей.

– Знаю, – со сдержанным гневом ответил Джеймс.

– Он разорвал его. Он...

Она не знала точно, что сделал сэр Мармадюк. И была достаточно твердо уверена, что укусить призрак невозможно, но все же перед глазами стоял Старший, раздирающий зубами беспомощного призрака.

Лорд Фелмотт говорил об «уничтожении паразитов», и Мейкпис никогда не позволяла себе задумываться над этим. Просто радовалась, что никакие бродячие призраки не смогут напасть на нее в Гризхейзе. Но теперь своими глазами увидела, что означает подобное уничтожение.

Именно это и сделают Фелмотты с духом медведя, если узнают о нем? И что, если она или Джеймс умрут в Гризхейзе? Их тоже затравят и разорвут?

Она видела улыбку сэра Мармадюка, словно тот охотился ради забавы.

– Он наслаждался этим! – горько прошептала она. – Ты был прав во всем! Это гнездо дьявола! Позволь мне пойти с тобой!

Сбежали они во второй половине дня. Джеймс вызвался собрать растопку, Мейкпис ухитрилась получить поручение сходить в лес за грибами и диким цикорием. Они встретились у старого дуба, откуда и тронулись в путь.

Они быстро шли по тропинке, пытаясь выглядеть естественно, и Мейкпис боялась, что сердце, грохочущее в груди, вот-вот разорвется. Впервые она задумалась над тем, почему Джеймс бежал снова и снова. Не потому ли, что желал почувствовать прилив небывалой жизненной энергии? Хотя он шел небрежной походкой, Мейкпис заметила, как глаза его бегают из стороны в сторону. Бойтся согладатаев?

Едва поля сменились пустошами, они сошли с тропинки и пошли наугад. Мейкпис вынула крошечную щепотку перца, украденного из драгоценного сундучка с пряностями, который хранила мистрис Гоутли, и посыпала дорожку, чтобы собаки не взяли след.

Извилистая дорожка через пустошь таила ловушки. В ярко-зеленых зарослях папоротника часто скрывались ямы, кусты колючего шиповника, острые камни и корни, в кровь сбиравшие пальцы ног. После того как они несколько часов оскальзывались и карабкались, солнце село, а небо приобрело темно-коричневый оттенок, цвет умбры.

– К этому времени нас уже хватились, – заметил Джеймс, – но сомневаюсь, что они смогут вести поиски в темноте.

Мейкпис гадала, сумеют ли они найти путь, когда совсем стемнеет. По мере того как увядал последний свет, она ощущала медленное пробуждение медведя. Он очень удивился, обнаружив, что вокруг нет стен. Девочка невольно поднялась на цыпочки и задрала голову, чтобы он лучше видел и чуял запахи.

Ее зрение приспособилось к полумраку. Не впервые. Скорее всего, ночное зрение медведя было лучше, чем у нее. В то же время она остро ощущала доносимые ветром запахи: пыльцы дрока, гниющих ягод, овечьего помета и дыма дальнего костра. Но тут ветер переменялся, подул со стороны Гризхейза, и она уловила другой запах. Знакомый запах животных, обостренный голодом и нетерпением.

– Собаки! – прошептала Мейкпис, чувствуя, как леденеет кровь. Через секунду до нее донесся отдаленный лай. Оглянувшись, она различила крошечные яркие пятнышки. Фонари!

– Джеймс! Они идут!

Брат и сестра пустились бежать, не обращая внимания на ушибы и царапины, низко пригнувшись, чтобы остаться незамеченными. Перешли ручей, чтобы сбить с пути собак. Но огоньки фонарей все приближались: очевидно, обмануть никого не удалось.

«Откуда они знают, где мы?»

До них донеслись голоса. Громче других был низкий, повелительный рык.

– Это сэр Мармадьюк.

Глаза у Джеймса тревожно сверкали.

Они продолжали бежать. Ветви шиповника и папоротники исхлестали обоих, и к тому же Мейкпис поняла, что задерживает Джеймса. Она стала уставать, так как была намного слабее брата. Но когда совсем стемнело, ему стало труднее различать темные ямы, кочки и выползшие на дорожку корни.

Лай неожиданно стих, и Мейкпис не сразу поняла причину. Но тут же представила, как огромных псов спустили с поводков и они бесшумно бегут по неровной земле...

Девочка на миг замерла и оглянулась на то, что теперь стало пустошью безнадёжности. Ни дерева, на которое можно взобраться, ни здания, где можно спрятаться. Только крутой скат впереди, по которому, вероятно, можно соскользнуть и найти укрытие...

Но прежде чем она успела сказать это вслух, гибкая, темная, четырехлапая тень вырвалась из травы и ударила Джеймса в грудь, сбив на землю. Джеймс покатился по склону. Из кустов дрока появился другой пес, и Мейкпис успела увидеть, как блеснули его зубы, когда он метнулся вверх, целясь ей в лицо. Пес был слишком проворен для нее. Но не для медведя.

Она молча наблюдала, как ее рука размахнулась, отбросив пса в воздух с силой, которая потрясла ее саму. Пес ударился о землю в нескольких ярдах от Мейкпис, покатился вниз и только после этого, пошатываясь, поднялся на ноги.

В этот момент Мейкпис увидела еще двух псов, летевших к ней. Черные звери бежали огромными скачками, виляя между кустами дрока. И Мейкпис с тошнотворным чувством нереальности происходящего увидела, что собаки не одни. Они сопровождали всадника, который каким-то чудом ухитрился не отстать от них, сохраняя такую же устойчивость. С его руки свисал фонарь, освещавший мощную фигуру, камзол из камвольной шерсти цвета сливы и совершенно бесстрастное лицо.

Мейкпис зря тратила драгоценные секунды, во все глаза глядя на сэра Мармадюка. Скорость его казалось неестественной. Невозможной. Все равно как если бы дождик летел снизу вверх.

Она слышала вопли Джеймса, гортанное рычание и треск. То ли пес отрывал ему воротник, то ли перегрызал горло. На нее надвигается чересчур много врагов, и еще Джеймс... Джеймс...

– Прекратите! – заорала она. – Пожалуйста! Отзовите собак!

Сэр Мармадюк коротко свистнул, и звуки борьбы прекратились. Мейкпис стояла, тяжело дыша, окруженная собаками, мысленно приказывая медведю не бежать и не набрасываться на врага.

Шелестящие шаги приближались, со всех сторон на Мейкпис были направлены лучи фонарей. Молодой Кроу выволок из канавы Джеймса. Его воротник был изорван в мелкие клочья, но в остальном парнишка не пострадал.

Мейкпис тоже прихватили с собой, словно вспомнив о ней в последний момент. Она сообразила, что в темноте никто не видел, как отлетела от нее огромная ищейка, отброшенная в воздух с неестественной силой. По крайней мере, хотя бы ее тайна осталась неприкосновенной.

Обратная дорога в Гризхейз была долгой и холодной. Сначала Мейкпис думала, что Джеймс, наверное, сердится, потому что она задерживала его в побеге. Но на полпути его ладонь скользнула ей в руку, и так они шли до самого дома, бросая вызов тюремщикам.

Наутро Мейкпис с мукой наблюдала, как Джеймса разложили во дворе при всем народе и задали такую жестокую трепку, что потом он едва мог стоять. Никто не сомневался, что это он задумал побег и потащил с собой Мейкпис. В конце концов, он старше нее и к тому же мальчик.

Мейкпис тоже выпороли, но не так сурово и в основном за кражу драгоценного перца. Мистрис Гоутли была рассержена и расстроена.

– Некоторых вешали и за меньшее, – пробурчала она. – Я тут все гадала, когда даст о себе знать дурная кровь. Недаром говорят, яблочко от яблоньки...

Мейкпис вернулась к работе на кухне, делая все, чтобы выглядеть раскаявшейся грешницей. Однако мысли горели новой силой и ясностью.

«В следующий раз нужно придумать, что делать с собаками. Попробую подружиться со всеми, а не только с теми, кто спит на кухне. И наш план должен быть безупречен, иначе Джеймс снова пострадает. Он храбр и умен, но не всегда умеет как следует все продумать.

Я привлекла к себе внимание Старших. Если они начнут следить за мной, легко увидят насквозь и прочитают мысли. Значит, я должна вести себя тише воды ниже травы. Быть некрасивой, неприметной, скучной. А заодно осторожной и терпеливой.

Я найду способ сбежать отсюда, даже если на это понадобятся годы».

И действительно, понадобились годы.

Часть 2

Кошка Гоутли

Глава 10

За два года и три месяца измениться может очень многое. Двадцать семь месяцев – достаточно долгий срок, чтобы дом, где ты живешь, проник в твои кости и твой мозг. Его цвета становятся палитрой твоего сознания, его звуки – твоей сокровенной музыкой. Его башни или шпили населяют твои сны. Его стены – средоточие твоих мыслей.

Люди – странные, легко приспосабливающиеся существа и рано или поздно привыкают ко всему, даже к невозможному или невыносимому. Красавица, живущая в замке Чудовища, вне всякого сомнения, имеет свой распорядок дня, свои маленькие источники раздражения и беспредельно скучает. Ужас – вещь утомительная. Его трудно испытывать бесконечно, так что рано или поздно он вытесняется чем-то более практичным. Однажды ты просыпаешься в своей тюрьме и осознаешь, что это единственное реальное место. Побег – это сон, неискренняя молитва, в которую больше не веришь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.